

ЖК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 37

**«Что говорит
и показывает Москва.
Рейтинг как механизм
конструирования
реальности»**

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 37.

«Что говорит и показывает Москва. Рейтинг как механизм конструирования реальности». — М., 2008. — 64 с.

ISBN 5-8341-0089-9

Дискуссия Никитского клуба, с содержанием которой читатель может познакомиться в данной книге, была настолько же острой, насколько наболевшей тема ее обсуждения — российское телевидение. Что такое телевидение? По мнению участников дискуссии, утверждение отечественных телеменеджеров, что это обычная коммерческая компания, работающая по законам рынка, главная цель которой — прибыль, не снимает с телевидения социальной нагрузки. О деформации этой функции и её последствиях, о том, есть ли выход из сложившейся ситуации, рассуждали участники дискуссии — представители разных областей знаний и сфер деятельности.

ББК 76.032
60.56

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 37
«Что говорит и показывает Москва.
Рейтинг как механизм конструирования реальности»

Редактор выпуска Н.М. Румянцева, редактор В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Подписано в печать 24.09.2008.

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».

Усл.-печ. л. 5,5. Заказ 02908. Тираж 1000.

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

ISBN 5-8341-0089-9

© ММВБ, 2008

© Никитский клуб, 2008

Никитский клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князья Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, Д. И. Жилярди, К. В. Терский, др. На Никитском бульваре в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный банк (в здании Музея Востока). В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

Круглый стол
«Что говорит и показывает Москва.
Рейтинг как механизм конструирования реальности»

2 июня 2008 г.

Участники обсуждения:

Арензон Евгений Рувимович,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

Башкирова Елена Ивановна,
генеральный директор компании «Башкирова и партнеры»

Голубев Александр Владимирович,
руководитель Центра по изучению отечественной культуры
Института русской истории РАН

Дахин Андрей Васильевич,
проректор по научной работе Волго-Вятской Академии
государственной службы

Дискин Иосиф Евгеньевич,
сопредседатель Совета по национальной стратегии

Дондурей Даниил Борисович,
главный редактор журнала «Искусство кино»

Капица Сергей Петрович,
президент Никитского клуба

Киселев Дмитрий Константинович,
ведущий программы «Национальный интерес» (т/к «Россия»)

Ларькина Зоя Эдуардовна,
генеральный директор агентства «АК&М»

Левинсон Алексей Георгиевич,
заведующий отделом АНО «Аналитический центр Юрия Левады»

Лившиц Владимир Григорьевич,
советник руководителя Национальной ассоциации
телерадиовещателей (НАТ)

Пилипец Олег Владимирович,
советник президента компании «Транснефть»

Привалов Александр Николаевич,
научный редактор журнала «Эксперт»

Разумовский Феликс Вельевич,
писатель-историк, ведущий телепрограммы «Кто мы?» (т/к «Культура»)

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Турков Андрей Михайлович,
литературовед, писатель, критик

Шалягина Наталья Всеволодовна,
профессор Международного университета

Круглый стол вел **С.П. Капица.**

С. П. Капица

Коллеги! В своих обсуждениях мы довольно часто касались проблем, связанных с телевидением, качества телевизионных программ, роли телевидения в общественной жизни страны. Сегодня мы посвящаем специальное обсуждение этой универсальной по своей значимости теме.

Прежде чем предоставить слово нашему основному докладчику, культурологу Даниилу Борисовичу Дондурею, я хотел бы сказать несколько слов о том, что для меня взгляд на современный мир, современное общество связан с тем, что мы живем, как говорят теперь, в информационном обществе. Правда, в этом информационном обществе мы живем уже полтора миллиона лет — с тех пор, как люди научились говорить, передавать информацию поколениям, распространять ее вширь.

Каждое поколение людей, чем и отличалось от животных, было в меру своих способностей информационным обществом. В наше время эта информационность достигла гигантских размеров. К примеру, в Германии оборот в информационной сфере выше, чем в автомобильной области, являющейся хребтом германской экономики.

Среди средств массовой информации весьма значимое место занимает телевидение, оказывающее сильное влияние на представления людей о реальности, играя тем самым большую роль в развитии человека. Под воздействием телевидения ощущение реальности в сознании человека создается не наблюдением жизни, а, скорее, внушением этой жизни.

Когда-то в рамках Пагуошского движения ученые пытались разобраться, что такое атомная бомба, и мне пришла в голову мысль об аналогии ее с телевидением (я даже написал об этом статью), отличающимся похожей инверсией. Атомная бомба взрывается в течение микросекунды и выделяет большое количество энергии; работающее непрерывно телевидение выделяет почти столько же энергии, эффективно действующей на ваши мозги. Так что, если выразаться на языке физики, это динамически сопряженные системы.

О телевидении пишут много и по-разному, я не хотел бы заниматься анализом и заколачивать новые гвозди в гроб телевидения. Оно живет по своим правилам, и о степени влияния телевидения можно говорить хотя бы по тому, сколько времени мы проводим перед экраном. Говорят, церковь определяет сознание, мораль, ценности общества. Но сравните, сколько времени человек проводит в храме и сколько перед «ящиком». Более того, в храме к человеку обращаются на языке, практически

С. П. Капица

малопонятном для него, а телевидение — на «простом», непрерывно оставляя более глубокий след в памяти и сознании человека.

Язык, к сожалению, — кстати, на радио даже больше, чем на телевидении, — стал очень серьезным фактором в жизни современного общества. Он не является образцом, каким должен бы быть. Я где-то читал, что еще до эры телевидения дикторы ВВС обязаны были появляться на службе не только в белой рубашке, но и во фраке, и в таком наряде работать перед микрофоном, хотя их никто не видел. Полагали, что это создавало соответствующую дисциплину ума и языка. Мы далеко ушли от этого.

Было бы интересно, на мой взгляд, попробовать понять, каким должно быть телевидение, представить себе некий его «платоновский» идеал в идеальном обществе. Конечно, это модель, схема, и идеал не достигим, но иногда имеет смысл подумать о нем как отдаленном, но ориентируе.

После такого, возможно, не совсем убедительного вступления я хотел бы предоставить слово Даниилу Борисовичу Дондурей, социологу, культурологу, главному редактору журнала «Искусство кино», и попросить его просветить нас в этой области.

Д. Б. Дондурей

Просветить — это, конечно, несколько громко сказано, хотя некоторые мои заметки по поводу телевидения вообще и по поводу очень важных его технологий могут быть кому-то и мало знакомы.

Мне кажется, я уже говорил в этой аудитории, что существует устойчивый консенсус в том, чтобы не принимать во внимание плохо измеряемые вещи. Недавно я спрашивал у одного из идеологов реформ в области образования, почему к образованию проявляется хоть какое-то внимание, — по крайней мере, оба президента произносят это слово, есть программы, связанные с образованием, какие-то деньги направляются в эту сферу, — а вот по поводу культуры ничего нет? Кроме радости за победу Димы Билана и что мы живем в эту эру. Он мне ответил очень просто: «Потому что мы научились работать с властью, показывать последствия отставания в нашем образовании на простых цифрах, а вы ничего этого делать не умеете».

Я хочу обратить внимание на существование других консенсусов, очень важных для объяснения, почему российское телевидение научилось так замечательно использовать мифологию рейтингов.

На мой взгляд, наша элита, в первую очередь экономическая, и конечно, политическая, — все наши элиты, включая медийную, договорились не принимать во внимание плохо измеряемые вещи — ценности, мировоззрение, картины мира, мораль и пр. Культура в нашей стране — это отгороженная территория, гетто, подведомственное Министерству культуры, предназначенное для гениев или занятий, связанных с охраной памятников, развлекательных процессов, и точка. Получается, что экономика как бы в одном месте, а человеческий капитал — в другом. На таком фоне рассуждать об инновациях... — казалось бы, как можно заниматься инновациями вне качественного развития человека?

Главная драма, на мой взгляд, состоит в колоссальных культурных барьерах, накопленных на протяжении последних 20 лет, преодоление которых не только не проектируется, но даже не осознается как проблема. Нет никаких разработок, и, кажется, что если произнести слово «инновация», все само собой заработает. Абсолютно такая же ситуация,

Д. Б. Дондурей

как в начале «любимых» всеми 1990-х, когда реформаторы считали, что реформы говорят сами за себя, поэтому никакого идеологического сопровождения не нужно: люди увидят, что с ними происходит, и будут этому аплодировать.

Другое методологическое свойство — перехожу к телевидению — связано с тем, что телевидение — это, на мой взгляд, совершенно уникальная сфера нашей общественной жизни, микширующая или путающая представление о себе. Что я имею в виду? В разговорах на разные темы — от нанотехнологий до развития банковского бизнеса в России, о среднем классе или о чем-либо другом — мы все время будем сами себя подбадривать и рассказывать, что и здесь у нас хорошо, и там у нас всё отлично, инвестиции идут, какие-то другие процессы происходят и т.д. Телевидение такими глупостями не занимается, потому что это, наверное,

единственная сфера, где прячут концы в воду и говорят: «Мы на жизнь никак не влияем, мы отражаем то, что происходит в реальности».

В сфере телевидения устойчиво внедряются очень мощные, замечательно разработанные стереотипы. Кроме стереотипа «мы отражаем реальность», это — «мы занимаемся информацией, просвещением и развлечением» или «люди могут сами выключить телевизор, когда захотят». Подобных стереотипов, внедренных в сознание как элит, так и власти, очень много. Все это обслуживает незнание населения о том, как все устроено и что за этим стоит, как это влияет на экономику, на человеческий капитал, почему сегодня принят самый примитивный механизм рейтингов и какой ущерб он наносит стране.

Все это абсолютно неизвестно, поскольку нет исследований, нет соответствующей статистики, контент-анализа, а если и есть, то только в узкой сфере политических, электоральных задач. На телевидении существуют разного рода специалисты по переименованию событий, они основные интерпретаторы происходящего. Это специальные бригады политтехнологов, политических ньюсмейкеров, довольно успешно переименовывающие происходящее, используя удобные для этого возможности телевидения.

Еще один стереотип (о других говорить не буду, поскольку это отдельная важная тема), очень хорошо работающий в нашей среде, связан с тем, что вот уже 20 лет обществу постоянно навязывается обсуждение проблемы цензуры. Цензура, безусловно, очень серьезная вещь, здесь работают и политические, и идеологические механизмы. Все мы понимаем, что кандидатуры людей, участвующих в телепрограммах Максима Шевченко или Владимира Соловьева, утверждаются, некоторые из них очень талантливые и харизматичные. Но вот один эпизод.

Недавно мы с Национальной ассоциацией телеведущих обсуждали ситуацию с гонениями на канал «2 x 2» в связи с историей с мультиками, когда Россвязьохранкультуры обнаружила нечто аморальное в том, что после 10 часов вечера показывают что-то нехорошее: отрывают ручки кукольным персонажам и т. д. Представители этого ведомства, наверное, не смотрят ни канал НТВ, ни другие каналы. Было понятно, что за этим стоит. Около трех часов специалисты обсуждали проблему, пытаясь перевести ее в экспертную область, подумать о том, что такое контент, как этим заниматься, что последствия волонтаристских запретов на каналах очень серьезны. Закругляя этот разговор, президент Академии телевидения Владимир Владимирович Познер сказал: «Знаете, вот вы тут

что-то обсуждали, а мне кажется, что у нас в стране просто настоящая политическая цензура, в частности, мне не всех разрешают приводить в программу «Времена». После этих слов девочки из информационных агентств кубарем побежали давать «важное сообщение», которое целую неделю было новостью № 1. Потом уже и в своей телевизионной передаче, и на радио «Эхо Москвы» г-н Познер говорил, что на этом совещании все болтали какую-то ерунду, пока он не указал на главное.

Один из мощнейших стереотипов телевидения — не допускать очень важные, на мой взгляд, темы, связанные с существующей на телевидении колоссальной цензурой реальности, и переводить их в политическую плоскость. А там уже можно говорить о степени демократии и пр., что так любит интеллигентское сообщество.

Рейтинги, казалось бы, всего лишь инструмент для того, чтобы фиксировать присутствие людей в помещении во время работы телевизора, и не больше. Ну и что? Что стоит за этой технической процедурой? За этой процедурой стоит легкий способ распределения в прошлом году 4,3, а в этом — 5 млрд. долларов рекламных денег, и больше ничего. (Пять миллиардов — это рекламный бюджет в целом по стране, а не только на федеральных каналах.) Причем эти деньги на телевидении идут полностью самим производителям, т. е. тем, кто производит этот контент. Большие каналы — по крайней мере, три больших телеканала — получают государственные льготы на сигнал, и все деньги тратят на себя. Механизм заключается в том, чтобы зафиксировать как можно больше людей, присутствующих при включенном телевизоре. Не принимается во внимание, что телевизор может никто не смотреть и последствия для рекламодателей могут оказаться самыми негативными. Только включенный телевизор — и наматывай «пипл-метры».

А дальше — простые технологии. Чтобы заполучить как можно больше от этого пирога, мы должны отнять зрителей у наших конкурентов. Отнять этих зрителей не за счет того, что, предположим, выпускать какие-то программы, удостоиться аплодисментов со стороны телекритиков или культурологов, философов или даже политического начальства. С политическим начальством как раз все очень просто. Вы знаете, что существует мощный, замечательно организованный и эффективный бартер: вы не лезете в политику, а мы вам разрешаем зарабатывать 5 млрд. Как их зарабатывать?

Технологии зарабатывания могут быть различными. Например, платное телевидение. У нас оно в целом не платное, платная только

трансляция по кабельным сетям, через спутник и пр., но этим пользуются пока незначительное количество людей. Поэтому есть два варианта: показывать то, что будет смотреть большинство, и то, что может понравиться небольшой аудитории. Естественно, технология работает на большинство, и принцип здесь простой — понижающая селекция, т.е. сюжеты, передачи, программы создаются так, чтобы их посмотрело как можно больше людей. Это обращение к страхам, скандалам, войнам, к разным формам смерти, насилию, криминализации и т.д.

В этом смысле наш телевизионный эфир — беспрецедентный в мире. Механизм понижающей селекции заключается в том, что чем ниже уровень, тем больше зрителей и больше неподконтрольных денег. Нет общественных инструментов, способных ограничивать, каким-то образом регулировать их распределение, перераспределение и т.д. Условие одно: если демонстрируется политическая эффективность, политическая лояльность, инструментальность, — все деньги твои.

Понижающая селекция в России приводит к ряду очень опасных процессов. Скажу о некоторых из них. Только в нашей стране существует порядка 70 (во всяком случае, в конце прошлого года, после чего мы исследований не проводили) выпусков передач, посвященных криминалу. Ничего подобного ни в одной стране мира нет. В результате элементарный контент-анализ показал картину, которую я позволю себе проиллюстрировать описаниями из своей работы.

Первое: «Мир вокруг тебя очень опасен, агрессивен и непредсказуем. Человек тотально окружен враждебным пространством».

Второе: «Ты потенциально подвержен всегда неожиданным ударам судьбы, которых, конечно же, вовсе не заслуживаешь».

Третье: «В сущности, на протяжении всей жизни от детства до смерти, при любой заботе родителей, друзей и государства ты в этом мире ни от чего вредного, плохого и оскорбительного не застрахован и не защищен».

Четвертое: «Всегда несправедливые и в большинстве случаев ничем необусловленные злокозненные или непредвиденные обстоятельства способны отнять у тебя все — здоровье, средства к существованию, родных, личное достоинство, надежды».

(Далее цитаты из текстов руководителей канала НТВ.)

Пятое: «Ты, зритель, часто забываешь, что вокруг тебя много разного рода негодяев, неприятных событий, необъяснимых проявлений человеческого неблагородства, предательств, ужасных помыслов

и поступков, низости, цинизма. Мы излечим тебя от этого романтического прекраснотушия».

Шестое: «Все люди, включая самых знаменитых и блестящих, обладающих властью и успехом, — правители, звезды, гении, герои, — подвержены абсолютно тем же напастям, что и ты, рядовой человек. Они так же мучаются, страдают, и несчастливы точно так же, как и ты. Пока мы не покажем это на экране, это не известно».

Седьмое: «Жизнь полна тщательно и лицемерно скрываемых от общественности сведений о разного рода патологиях, извращениях, жестоких обстоятельствах, скрытых пороках» и т. д.

Повторяю еще раз, российское телевидение в этом смысле беспрецедентно. Я был шокирован и поэтому позволяю себе повторять: только на российском телевидении за день до вынесения приговора показывают интервью с серийным убийцей с 8 до 8.40 часов вечера в субботу (НТВ, программа «Чистосердечное признание»). После передачи о педофилах (по-моему, в программе «Профессия — репортер» канала «Россия», ведущий Мамонтов) на итальянском телевидении на одном из каналов Берлускони попытались показать только 6 секунд этой передачи, и все были уволены.

Не буду перечислять дальше, я думаю, вы все это видели. Профессионалы на телевидении любят говорить по этому поводу, что, во-первых, вы можете выключить телевизор; во-вторых, люди сами этого хотят; в-третьих, мы лишь рассказываем, что есть на самом деле, и т. п. Таких примеров — множество, и не только на канале НТВ. НТВ — абсолютный чемпион в этом, в прайм-тайме там управляют воспитанники Парфенова — они зарабатывают основные деньги и поэтому каждые два месяца вводятся новые передачи типа «Дастиш-фантастиш», «Ты не поверишь» и пр.

Качественное кино уходит в глубокую ночь, которую обожают руководители телеканалов. Как эксперт скажу, что в это время у нас один из лучших кинопоказов в мире.

Приведу еще несколько цитат из выступлений менеджеров телевидения. Наиболее внятно их кредо сформулировано очень честным человеком Владимиром Кулистиковым два года назад в газете «Известия»: «Телевизор — это такой же бытовой прибор, как например, холодильник. Вы слишком серьезно относитесь к нашей работе. Телевидение делает всего лишь шоу и новости. Но новости — это тоже шоу».

Константин Эрнст: «Телевидение — это общественная столовая. Мы все работаем в сфере обслуживания». Тот же Кулистиков: «Это коммерческая

компания, очень жестко нацеленная на производство рейтингов, которые дают возможность получать прибыль, поэтому для нас рыночный критерий — основной во всей нашей деятельности. Каких-либо других задач мы перед собой не ставим. Целью является производство рейтинга. Если картина Боттичелли будет вызывать у наших зрителей интерес и приносить высокий рейтинг, — ну что ж, мы будем показывать Боттичелли».

Наше телевидение, как известно, президент назвал очень интересным. Действительно, если про каннибалов, про маньяков, про то, как дети заказывают бабушку или дедушку из-за уроков или квартиры и т.д., — оно действительно очень интересное.

С одной стороны, спортивные передачи, с другой стороны, замечательно использована любовь нашего народа к фигурному катанию, вздуты мифологемы, связанные с жизнью звезд в «Специальном проекте». Все это не изучается так же, как и природа успеха сайта «Одноклассники». Это же чисто идеологические процессы, но нет никаких специальных исследований.

В результате отсутствует маломальское представление об идеологическом состоянии общества. Никто не предостерегает власть в том, что о каких инновациях может идти речь, если больше половины населения, по разным опросам, считают положительной миссию Сталина и Ленина. Если больше половины считают, что приватизация была ужасной, если больше трети населения требует, чтобы государство повлияло на цены и т.д.; если 78% предпринимателей не подают в суды, потому что не верят в их справедливость в ситуации конфликта; если 62% экономических преступлений — это преступления против собственных предприятий!

Все это — сфера сознания, и формирует ее в первую очередь телевидение, потому что, как правильно сказал Сергей Петрович, у телевизора население проводит значительно больше времени по сравнению с занятостью в народном хозяйстве.

На нашем телевидении, конечно, есть и очень хорошие программы, которые могут сделать честь любому телеканалу мира, но они, к сожалению, не делают погоды.

Влияние на ценностное, мировоззренческое, моральное и такое объяснимое состояние страны сегодня находится полностью в руках менеджеров телевидения. Отказ от развития личности, создание нетворческой, неинтеллектуальной атмосферы в стране, колоссальные потери в искусстве, отставание, неконкурентоспособность вместо понимания

вызовов, понимания задач перехода от ресурсного к инновационному обществу, — все это следствие проблем, большую ответственность за которые несет телевидение, главный принцип которого — рейтинг.

С. П. Капица

Спасибо, Даниил Борисович. Вы очень убедительно использовали механизм рейтинга, чтобы показать губительность этого, казалось бы, каналометрического средства.

Я хотел бы только сказать вот что. Вы говорите, мораль не поддается измерению. Во время всплеска внимания к педофилии было сообщение о том, что у нас существенно увеличилось число лиц, осуждённых по этому, ранее мало известному виду преступлений. Были приведены цифры, и внимательный анализ может отразить это и в числовом выражении, кроме экспертных оценок и пр., о чем Вы говорили. Мне кажется, это иллюстрирует чрезвычайную серьёзность ситуации. Причём защита существующей практики прикрывается словами о демократии, свободе личности, свободе высказываний и пр.

Я уже рассказывал в этой аудитории, но повторю еще раз историю о любопытном случае, произошедшем со мной, когда я был как-то на BBC по делам мелких вопросов научно-технической передачи. Мне сказали, что меня хочет видеть лорд Мортон. Как выяснилось, это был самый большой начальник, которого мало кто видел или слышал, но все знали, что он существует. Его ранг соответствовал рангу таких столпов английского истеблишмента, как начальник разведки, контрразведки или верховного суда. Правительства, партии, парламенты приходят и уходят, а эти люди остаются, — они правят страной.

Мы довольно долго беседовали с ним в каком-то консервативном клубе, и во время беседы он сказал, в частности, следующее: «Мы никогда не говорим журналистам, что надо говорить. Мы смотрим, что они говорят. И если нас это не устраивает, — вот ключевая фраза истеблишмента! — то мы переводим его на другую работу, возможно, даже с повышением зарплаты». В этом состоял корневой смысл существующей там жёсткой, абсолютно чёткой политической цензуры. Этот человек руководствовался не коммерцией — коммерция его совершенно не интересовала, — он руководствовался интересами страны, интересами общества. Его волновала только идеология, за которую он отвечал.

Я рассказал об этой встрече С. Лапину, тогда главе советского телевидения. В каком-то смысле эти люди были единомышленниками, что бы

о них не думали, причём Лапин был гораздо более публичным, чем его английский коллега. Так эта страна, как говорят, великой демократии управляла своими средствами массовой коммуникации. «Государево око» работало четко.

Мне кажется, все дело в том, что сейчас у нас на первое место поставлены деньги, и в этом величайшее заблуждение нашего времени. Деньги — это инструмент власти, но не цель общества. Если дело измеряется грубыми коммерческими целями, то и ответ получается соответствующий: всё знают кассир и приказчик. Пока мы этого не поймём, вряд ли сможем решить и идеологические проблемы, и проблемы телевидения, и пр.

Этот глубокий кризис, и он выходит за пределы телевидения. О судьбе науки, нашего образования или здравоохранения можно сказать то же самое, такие же симптомы проявляются в других секторах жизни общества.

Все это надо серьезно обсуждать, и мы продолжим наш разговор.

Сейчас я хотел бы дать слово Елене Ивановне Башкировой, генеральному директору независимой исследовательской компании «Башкирова и партнеры». Прошу Вас, Елена Ивановна!

Е. И. Башкирова

Я хочу поблагодарить Даниила Борисовича за исключительно честный, откровенный разговор. Вы очень хорошо обрисовали ситуацию с разных сторон, поэтому чтобы не повторяться, я только немного разовью Вашу мысль.

Какая у нас сегодня ситуация в России? Мы имеем очень хорошо и эффективно работающую систему зарабатывания денег, в которой используется «дымовая завеса» этих самых рейтингов. Даниил Борисович говорил о «пиפל-метрах» — я хочу сказать, что эти «дымовые завесы» могут быть разными. Здесь сидят специалисты — они понимают, о чем идет речь.

Изучать объём аудитории зрителей той или иной передачи можно разными способами. Самый дешевый способ — просто задавать вопрос, как часто вы смотрели телевизор в течение, скажем, недели, месяца или года, и строить на этом определённые показатели. Второй вариант исследования — дневниковый опрос. Он чуть дороже, здесь люди фиксируют на бумаге просмотренные программы: посмотрел — отметил крестиком. Для этого разработаны определенные методики, не буду в них

Е. И. Башкирова

углубляться. И третий вариант — эти самые пипл-метры, измеряемые аппаратами, приставленными к телевизору. Сейчас, кстати, существуют другие, более современные средства, но все они страдают некими недостатками. Совершенной системы нигде в мире пока не придумали.

Почему у нас выбрали пипл-метры, почему тратятся на это такие огромные деньги? Я стояла у истоков создания компании «Гэллап-Медиа», я её запускала, пыталась сделать нормальную выборку, от которой потом отказались, и степень достоверности этих данных очень сомнительна по разным причинам. Так почему же все-таки выбрали эту систему? Чтобы создавать дорогую упаковку, фантик, который можно было бы продавать, скажем, не за 30 тыс. долларов, сколько максимально стоит такое исследование, а за 90, 100 или 150 тыс., не знаю точно, сколько сейчас стоит подписка на год. Только для этого. И совершенно верно

Даниил Борисович сказал, что это только инструмент для зарабатывания денег. Это надо чётко всем понимать. Цели просвещать людей, создавать какие-то новые программы на телевидении не было изначально, о чем говорят услышанные нами цитаты, — циничные, но, по крайней мере, честные: стояла задача зарабатывать деньги. И эта задача очень успешно была выполнена.

Теперь давайте посмотрим, можно ли эту ситуацию изменить. Такие попытки предпринимались. Были попытки изменить существующие измерения, чтобы сделать их, насколько это возможно, достоверными. Заседал медиа-комитет, нас приглашали во все рабочие группы, приглашали зарубежных экспертов, но все это, в общем-то, потерпело фиаско. Например, по-моему, красноярское телевидение подавало в суд из-за подлогов в сводках о рейтингах. В частности, в день технической паузы на красноярском телевидении, т.е. когда оно не вещало, были даны сведения с детальным измерением рейтингов просмотра его передач. И люди подали в суд, но суд не состоялся. Не стану комментировать, мы живём в коррумпированном обществе.

Было и многое другое, например, заключения экспертов с указанием на ошибки выборки, на то, что измерения ведутся только в городской аудитории и т.д., но все усилия оказались напрасными. Более того, все мы, и я в том числе, вели переговоры с руководителями, реально отвечающими за эту политику, и может быть, по наивности страстно рассказывали о существующем состоянии дел. Мне просто честно сказали: «Мы знаем, что это недостоверно, плохо, — принеси мне другие данные. Мне было бы гораздо лучше работать с тобой, потому что у тебя есть имя, есть репутация неподкупного человека, сделай свои измерения». Я говорю: «Да, но мне нужно 3 млн. долларов, чтобы начать работу». На что я получила ответ: «Мы не будем вкладывать ни копейки». Это дополнительная иллюстрация к тому, что существующая практика рейтингов — инструмент для зарабатывания денег.

Можно ли здесь что-либо изменить в принципе? Сейчас, если вы спросите моё мнение, — практически нет. Я думаю, при существующем уровне коррумпированности сложившаяся практика чрезвычайно выгодна для трех основных ее участников, весьма довольных друг другом.

Это, во-первых, производитель — крупные западные компании, заботящиеся о повышении продаж своих продуктов, и наши компании, в первую очередь пивные, фармацевтические и т.д. У них есть деньги, и они с радостью готовы потратить их на рекламу. Тем более, как

правильно Даниил Борисович сказал, их убедили в том, что телевидение у нас — самое главное средство воздействия на людей: поставь любую передачу в прайм-тайм, и она получит самую большую аудиторию.

Во-вторых, это люди, каналы — рекламные посредники, которые продают рекламное время и получают крупные барыши, поэтому, как я уже говорила, один из таких руководителей мне искренне сказал, что им ничего не надо менять. И когда я старалась убедить его хоть раз в жизни серьёзно измерить запросы, он ответил: «Нам это не надо, потому что мы знаем, что они не сойдутся с тем, что у нас есть». Так прямо мне и сказал.

Третья заинтересованная сторона — люди, занятые производством соответствующей информации и тоже допущенные к распределению денег. Поэтому здесь пока никаких особых надежд и иллюзий я бы не питала.

Что можно было бы сделать? Перебить эту практику может только, мне кажется, наличие двух серьёзных факторов. Первый фактор — не могу сказать политическая воля, скажу наличие некоей силы. Я не знаю, какая это будет сила. Понятно, что в ней должна быть государственная составляющая, а также какой-то общественный контроль. Другой фактор — люди с большими деньгами, бизнес, может быть, какие-то каналы, обиженные существующей системой рейтингов, — не могу сказать точно. Это очень сложно, мы много раз это обсуждали, но это возможно.

На какой основе это можно сделать? Конечно, это должен быть отечественный, комплексный продукт, потому что измерения рейтингов с помощью пипл-метров вообще никакого отношения к изучению аудитории не имеют. Это всего лишь инструмент для продажи рекламы, времени на телеканалах, в то время как его очень часто намеренно или по невежеству называют «исследованием аудитории».

Исследование аудитории предполагает серьёзную работу, связанную с глубоким анализом воздействия телевидения на сознание, поведение людей и пр., об отсутствии которой говорил Даниил Борисович. Многие вещи измеряются, в том числе и ценности. Мы как раз сейчас начинаем проводить исследование ценностей в 40 странах. И если будет создан мощный продукт, — а мы, в том числе присутствующие здесь люди, знаем, как его сделать, — тогда в тяжёлой борьбе с теми, кто находится сейчас у кормушки (просто так они никого туда не подпустят), можно было бы что-то изменить и думать о том, как воздействовать на ценности, мораль, сознание людей и т. д.

С. П. Капица

Спасибо, Елена Ивановна, то, что Вы сказали, очень существенно. Вы правы, потребуется, может быть, высочайшая политическая воля, чтобы как-то изменить эту ситуацию. Причём самое мощное оружие против этой воли находится в руках тех, с кем вы хотите справиться.

Слово Александру Владимировичу Голубеву, руководителю отдела по изучению отечественной культуры Института русской истории.

А. В. Голубев

У меня две небольшие реплики. Одна просто к слову: то, что мы сегодня слышали о телевидении, — очень интересно, но в общих чертах мы все это сами себе представляли. А мне неоднократно приходилось слышать, как министр образования говорит, что образование — это сфера обслуживания, которая должна предлагать свои услуги потребителю. О рентабельности пока ещё не говорят, но скоро будут.

Теперь ближе к теме сегодняшнего разговора. Напомню одну известную вещь: в мифологическом сознании мир воспринимается в трёх зонах, как под фонарём. Зона, где ты находишься, где живёшь, — своя. Здесь свет, где всё известно, безопасно, хорошо, это твой домашний мир. Первоначально это зона твоего племени. Вокруг — пограничная серая зона, неустойчивая, опасная, но всё-таки ещё не до конца, сумрак. А за пределами этой зоны — тьма, где всё враждебно, сплошные опасности и т. д. Это, повторяю, вещь известная.

Почему советская пропаганда была достаточно эффективной в своё время? Потому что советская пропаганда строилась, может быть, даже бессознательно, один к одному по законам этого мифологического сознания. Тогда эта самая светлая безопасная зона проходила вдоль границ Советского Союза. Часто спрашивают, почему же люди во всё это верили? Неужели они не видели того, сего, третьего? Они всё это видели, были беды, нищета, репрессии и т. д., но это проходило в рамках своей домашней зоны. Опасности были свои, привычные. И те, кого они непосредственно не касались, о них знали, они как бы не очень беспокоили. Люди жили в светлой зоне. Я говорю с точки зрения психологии в данном случае.

Современное телевидение — и сегодня мы об этом слышали — делает то же по законам мифологического сознания, но со знаком «минус». Делает страшную, на мой взгляд, вещь — уничтожает светлую зону. Точнее сказать, наша светлая зона, в которой мы живём, — это наша квартира,

А. В. Голубев

и всё. За пределами квартиры — подъезд — это уже зона сумрака, если там есть кодовый замок, ну двор ещё и т.д. За пределами двора — уже абсолютная мгла.

Сегодня, кстати, была приведена цитата, дословно повторившая то, что я сейчас говорю.

Как историк я могу только фиксировать ситуацию, а последствия для массового сознания и для всех сфер нашей жизни — это уже, по-моему, должны оценить психологи. Мне кажется, что это вещь потенциально страшная.

С. П. Капица

Это очень трезвое и важное напоминание. Причём очень важно в таких случаях говорить с разных точек зрения.

Сейчас я даю слово Виталию Леонидовичу Тамбовцеву, профессору экономического факультета МГУ, а затем Александру Николаевичу Привалову, научному редактору журнала «Эксперт».

В.Л. Тамбовцев

Уважаемые коллеги, я никоим образом не хотел бы спорить с Даниилом Борисовичем. Все, о чем он рассказал, я, как говорится, всегда чувствовал, а теперь, спасибо, в явном виде услышал. Что касается сверхзадачи выступления — я всецело на стороне Даниила Борисовича. Но по поводу отдельных деталей хотел бы немного не то чтобы поспорить, а скорее кое-что уточнить.

О чем идёт речь, с моей точки зрения? Прозвучал тезис, проиллюстрированный словами, я так понял, одного из идеологов реформы образования, который объяснял, почему с образованием что-то происходит, а в культуре — нет. И это объяснение, напоминая, звучало так: в образовании мы научились что-то измерять, предъявили власти данные о том, как хорошо в «светлой зоне» и как плохо — в «тёмной», после чего возникли какие-то стремления что-то как-то поменять. Разумеется, это объяснение отчасти (я имею в виду того человека, который был процитирован) верное, но только сильно отчасти.

Измерения даже в такой сфере, как культурные ценности, имеют достаточно длинную традицию, — начиная с Хофстеда¹ и кончая недавними измерениями Шолома Шварца². Налицо сильнейшие, зримые различия между разными культурами. Это измеримо. Можно спорить об инструментах, но эти инструменты, с точки зрения социолога, нерепрезентативные, а с точки зрения психолога — очень интересные и показательные, и они устойчивы в разных культурах, странах, в каких-то регионах. Это пункт первый.

Пункт второй. Существует исследование двух-трехлетней давности, в котором параметры культуры увязаны с самыми что ни на есть грубыми и зримыми экономическими характеристиками страны — темпами роста, ВВП на душу населения и пр., т.е. с тем, что власть понимает. Есть эмпирическое исследование — не теория, а расчёт, статистика, — в котором

---

¹ Гирт Хофстед (Geert Hofstede) (1928), голландский психолог, основоположник этнометрии; будучи руководителем психологической службы концерна ИВМ, автор исследования межкультурного проекта и создатель «периодической системы» национальных культур.

² Израильский социальный психолог.

Фото В. Федорова

В. Л. Тамбовцев

показано, как параметры культуры связаны, скажем, с креативностью, с уровнем инновационности страны. Все эти исследования есть, и поэтому ссылки на то, что здесь мы ничего не можем измерить и доказать, не очень точны.

Почему информация об образовании становится социальной проблемой, в том смысле, что она затронула кого-то из тех, кто может хоть что-то хотя бы формально поменять, например, какой-то закон (будет он исполняться или не будет, вопрос десятый, но он принят, и уже легче), а в этой сфере — глухая стена?

К сожалению, в этом смысле ситуация становится включающей в какой-то степени петлю положительной обратной связи. Дело в том, что проблема не существует объективно. Проблема фигурирует в общественном пространстве. Но общественное, публичное пространство

создается в основном тем самым, критикуемым сегодня объектом — телевидением. Замкнутый круг? Нет, поскольку социальные проблемы не существуют объективно (лет 30, по-моему, назад, группа американских социологов восстала против представления о том, что социальные проблемы существуют объективно), они конкурируют за место в публичном пространстве. Это публичное пространство заполняет не только телевидение. Грубо говоря, наш разговор здесь — частица публичного пространства. Поэтому если принять положение о том, что только измеримое ценно, путь движения один — публичное обсуждение.

Далее. Если такого рода канал как-то может влиять и действовать — не хочу сказать, что он пробивной, но по нему какие-то сигналы все-таки просачиваются, — есть ещё второе звено, где может срабатывать самый что ни на есть нормальный экономический интерес. Это рекламодатели. Рекламодателей можно много в чём убедить, но если их баланс не покажет прироста доходов при обращении к такому-то каналу, что по криво измеренному рейтингу должно было максимизировать доход, — это сигнал. Это не слова каких-то там высоколобых и бородатых, а сигнал рынка. Будет еще убедительнее, если к этому сигналу, образно говоря, приложить реальную картину рейтингов, — это к сообщению Елены Ивановны [Башкировой]. Так что, ситуация, конечно, чрезвычайно тяжёлая, но, с моей точки зрения, не тупиковая.

С. П. Капица

Кстати, если говорить об экономике, то с рекламой на телевидении существует своеобразная вещь. Вводится как бы дополнительный налог для потребителей: реклама увеличивает стоимость многих товаров на 10–20%. Получается, за ваши же деньги, выражаясь на их языке, вам еще и лапшу на уши вешают. Так что здесь, вообще-то, нарушаются интересы потребителя. С точки зрения такой, я бы сказал, экономической морали, эта система не выдерживает критики. Именно так мы можем сказать.

В. Л. Тамбовцев

Сергей Петрович, это не совсем так. Во всём мире существует законодательство о рекламе, которое запрещает и наказывает рекламодателей, дающих ложную информацию потребителю.

С. П. Капица

Но понимаете, вся реклама есть ложная информация, если говорить честно.

В. Л. Тамбовцев

Это не так.

С. П. Капица

Ну, как не так! Иначе она бы не существовала.

В. Л. Тамбовцев

Про рекламу есть хорошо и давно развитая теория, которая показывает её полезность.

С. П. Капица

Я говорю не о теории.

В. Л. Тамбовцев

Я говорю о практике, которая объясняется этой теорией.

С. П. Капица

К сожалению, это заставляет меня думать обратное.

В. Л. Тамбовцев

Сергей Петрович, дело в том, что, если у вас товар однороден, — например сок, который, в принципе, однороден, только изготавливается разными производителями, — то каждый производитель заинтересован в том, чтобы брали его сок. Он его рекламирует. Экономисты называют это монополистической конкуренцией. Реклама действенна на рынках, где есть монополистическая конкуренция.

С. П. Капица

Это всё, по-моему, идеальная система.

В. Л. Тамбовцев

Это реальная система.

С. П. Капица

Во-первых, это крайне монополистический рынок и, по существу, извращённый с точки зрения своих основ. Всё-таки экономика строится

не только на таких догматических, но и на каких-то моральных основах. Моральные основы здесь, несомненно, нарушаются самым отъявленным образом, что бы Ваша теория не говорила.

Александр Николаевич Привалов, прошу Вас — Вам слово.

А. Н. Привалов

Спасибо. Сергей Петрович, если позволите, я усилию Ваше утверждение. Вы только что сказали, что всякая реклама есть ложь. Без малого 200 лет назад Фёдор Иванович Тютчев высказал более сильную позицию: «Мысль изреченная есть ложь», — является она рекламой или не является.

Что касается темы обсуждения, то во вступительном слове наш достойный председатель сказал, что его интересовало бы, как выглядело бы идеальное, платоновское телевидение. Я подумал, что знаю ответ, и в этом ответе меня убедил основной доклад. Даниил Борисович был очень убедителен: идеальное телевидение выглядит как отсутствующее телевидение. За последнее время — да за всю мою жизнь — было ровно три дня, когда я и умом, и сердцем, и чем угодно верил в то, что Россию ожидает светлое будущее. Это были три дня, когда горела Останкинская телебашня. Но телевидение есть, и с ним надо сосуществовать, поскольку идеальным, т. е. отсутствующим, оно уже не станет никогда.

Что касается рейтинга, — рейтинги, конечно, дрянь. Я предлагаю каждому из присутствующих мысленно поставить эксперимент и спросить себя, согласен ли он (она), чтобы в его (её) доме был поставлен пипл-метр? Он или она скажет: «нет». Потому что ему противно, это всё равно, что таракана дрессированного в доме посадить. Кто соглашается на эти пипл-метры за три с половиной копейки в полтора года? Соглашаются люди совершенно определённых социальных слоёв, и уже тем самым этот рейтинг очень сильно приближается к обывательским оценкам, причём обывательским в самом худшем смысле этого многогранного слова.

Вообще, все мы — обыватели, и в этом ничего дурного нет. Но у некоторых горизонт чуть шире пивной кружки, и эти люди не соглашаются ставить у себя пипл-метры. Значит, рейтинги — дрянь абсолютная, я не вижу оснований здесь спорить, спорить здесь не о чем. Утверждение господина Дондурейя о том, что они всего лишь способ распила денег, — это, наверное, чуть-чуть сильновато, в них ещё есть какие-то детали и оттенки, но для краткости ими можно пренебречь. И потому возникает вопрос: а если они такая дрянь, если все это понимают, то почему ничего не происходит? Почему одна компания, подчеркиваю, сугубо иностранная,

даже без доли российского капитала, очевидно искажающим для всякого наблюдателя образом оценивает телеаудиторию Российской Федерации, и всем это безразлично? Ответ простой. Потому что одно дело вообще говорить, что что-то нехорошо и что-то нам не нравится, другое дело — предпринять некие усилия, чтобы это что-то поменять.

А какая сила заинтересована в том, чтобы что-нибудь поменять? Являемся ли силой, например, мы, здесь собравшиеся, даже если мы в едином порыве выкрикнем «нет» существующим рейтингам? Нет, мы не являемся силой, потому что это наше в едином порыве возмущение мимолётно, как дуновение. За ним не стоит нашего постоянного интереса.

А кого с постоянным интересом эти рейтинги огорчают? Не знаю, я искренне не знаю. Я не вижу силы, которая возьмётся это дело поправлять. Рекламодателя это в среднем удовлетворяет, потому что не только измерение телевизионной аудитории, но вообще все такого рода измерения делаются с точностью три с половиной лаптя в любую сторону. Точно мерить воздействие рекламы даже в более субтильных фрагментах рынка никто не умеет, и, в общем, какая разница — три с половиной процента у тебя рейтинг или четыре, если я рекламирую стиральный порошок! На самом деле это совершенно неинтересно.

То, что во всём этом слишком сильно, омерзительно сильно слышен запах денег, что он действительно забивает все соображения — эмоциональные, рациональные, какие угодно, — это, извините, ещё вот по какой причине. Потому что всё это последний день Помпеи. Потому что вся эта роскошная пьянка скоро кончится. Не берусь предсказывать, когда эта пьянка закончится, когда эфирный канал перестанет отличаться от неэфирного, но произойдет это скоро. Ну, через три года, через пять, ну ладно, через восемь лет, — в любом случае эта эпоха завершится.

Три федеральных канала, получающие львиную долю рекламного рынка в обмен на какую-то лояльность, — это закончится. И тогда каналы разделятся в соответствии с вечно живым учением классиков. Останутся и такие, где по-прежнему будут снимать основную пенку с рекламы пепси-колы и стиральных порошков, и там никогда не будет рекламы дорогих автомобилей. Предпочтительнее же станут межевые каналы. В каком-то смысле. В общем, информационный мир, к которому мы привыкли, меняется. Всё будет немного не так. Поэтому главное утешение, которое я вижу в отвратительной картине, реалистично нарисованной главным докладчиком, состоит в том, что и это пройдёт, и пройдёт достаточно скоро.

Фото В. Федорова

А. Н. Привалов

Что нужно сделать на таких коммуникационных площадках, как наша? Хотя наша коммуникационная площадка в сравнении с проблемой телевидения как-то показательно мала, издевательски мала, тем не менее на таких площадках нужно, наконец, начать ломать табу. Всякий оболтус воскликнет, что это цензура, и все обязаны дрожать. Да не обязаны! Я вам больше скажу: не надо особенно дрожать при словах «политическая цензура».

Я имею удовольствие — не знаю, несчастье — работать как во вполне свободных для меня СМИ, совладельцем которого являюсь, до вполне зажатых СМИ, т.е. государственных, и одновременно делаю тексты для свободного СМИ и для не вполне свободного СМИ. Есть некоторые утеснения. Политическая цензура — гроб для того, у кого одна мысль. Она тяжела для того, у кого две мысли. Если у тебя хотя бы три мысли, — это совсем не страшно.

Что касается попыток орать о цензуре каждый раз, когда говорят, что не надо показывать расчленёнку, — это надо победить. Расчленёнки на экране быть не должно! Педофилов на экране быть не должно! Не надо объяснять, почему. НЕ ДОЛЖНО! Почему? Не почему — выучи!

Если такого рода собрания, как наше сегодняшнее, по миллиметру продвинуто дело, будет очень и очень хорошо.

С. П. Капица

Спасибо, Александр Николаевич. Я хочу попросить продолжить разговор Алексея Георгиевича Левинсона, заведующего отделом АНО «Аналитический центр Юрия Левады».

А. Г. Левинсон

Мне кажется, что в аудитории царит и проявится высокое согласие по поводу основных положений, выдвинутых уважаемым Даниилом Борисовичем. На этом фоне, наверное, интересно сказать что-нибудь, что нельзя назвать согласием.

Сразу скажу, что как человек с таким же цветом волос, как у большинства присутствующих, я, разумеется, разделяю ценности, выраженные в докладе и поддерживаемые всеми присутствующими. Мне просто кажется интересным посмотреть на описанную картину с другой стороны.

Не только мы с вами жалуемся на то, что люди смотрят то, что смотреть вроде бы не надо, — на педофилов, на расчленёнку, на всё то, что показывает сегодня наше телевидение. У меня было исследование, в котором мне приходилось разговаривать с редакторами газет. Интеллигентные люди просто в голос рыдали и говорили, что для того, чтобы их газета держалась на минимальном уровне и могла выходить — не зарабатывать деньги, а только, чтобы газета могла выходить, — без «чернухи» не получается. Спрашивается, почему? Они дают сами ответ: такова природа человека. Они говорят, такова природа нашего человека — советских или русских людей, просто человека по своей природе.

Сразу могу сказать, меня не устраивает это объяснение. Эмиль Дюркгейм³ предложил другое: природа любого общества такова, что границы дозволенного в обществе определяются только наличием или отсутствием действий реагирования негативной санкции со стороны

---

³ Дюркгейм (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог-позитивист, основатель французской социологической школы.

общества. Можно совершать инцест или нельзя? Если побьют камнями, значит, нельзя; если не побьют камнями, значит, можно. К сожалению, это так и только так.

Я думаю, что интерес нашего общества к криминалу, ко всему тому, что нам здесь очень не нравится, связан с тем, что нормативная система нашего общества находится в крайне, как бы сказать, сложном, плачевном состоянии. Политическая, социальная история общества — причина того, что не очень хорошо известно, что можно, а что нельзя. Скажем, здесь сидят люди, которые точно знают, что можно, а что нельзя. Девятилетняя девочка из городка с населением 35 тыс. человек не уверена, что ей нельзя заниматься сексом, в том числе с человеком, много старше её. Но у нас с вами не дошли руки рассказать ей, что это нельзя. Это выясняется в таких вот ужасных действиях.

Другой способ — очень хорошее законодательство, вышколенная полиция, замечательные школьные учителя и где-то ещё, кроме прочего, большие просветительские программы, работающие через СМИ. В этом заключается цивилизованный способ вместо того, который действует в обществе, живущем более или менее стихийно. Мы с вами наблюдаем телевидение, — я хотел бы обратить на это внимание, мне это кажется очень важным — телевидение, живущее стихийно.

Даниил Борисович осветил денежную сторону этого процесса. Обратим внимание на то, что с помощью денег и с разрешения властей — «если вы нас не трогаете, то в остальном делайте, что хотите» — эта система превращается в некотором роде в автоматическую. Смотрят то, что показывают, а показывают то, что смотрят, — такая самозаводящаяся система. Стихия тёмных народных сил.

Даниил Борисович попытался объяснить это какими-то экзистенциальными процессами, сублимацией. Я хотел бы обратить внимание на то, что наше общество таким мучительным, чудовищным образом осознаёт границы своего существования. Если найдём возможность решить вопрос по-другому, отпадёт проблема, которую мы обсуждаем.

С. П. Капица

Мне кажется, в том, что Вы сказали, какой-то луч надежды все-таки есть. Но это действительно мучительный процесс, и хватит ли у нас времени и сил, чтобы завершить его?

Далее слово Феликсу Вельевичу Разумовскому, ведущему авторской программы «Кто мы?» телеканала «Культура».

Фото В. Федорова

А. Г. Левинсон

Ф. В. Разумовский

Я бы хотел отреагировать на замечательное выступление Даниила Борисовича. Он просто прекрасно показал, как действует машина, — я хочу сказать, куда она бьёт вообще, куда всё это стреляет.

А стреляет это по национальной идентичности — вот куда это направлено. Благодаря такому телевидению мы перестаём быть единым народом. У нас с этим и так огромные проблемы, потому что мы вышли из-под глыбы, когда нас семьдесят с лишним лет превращали в какую-то новую общность. У нас на Красной площади некрополь тех, кто разрушал Россию, а в Успенском соборе — тех, кто созидал Россию, и существование того и другого не вызывает у нас никакого протеста. Такое может происходить только в сумасшедшем доме.

Наше телевидение со всеми его рейтингами не позволяет восстановиться национальному сознанию, оно его необыкновенно эффективно

Ф. В. Разумовский

добывает и перемальвает. Соответственно наша задача как людей, причастных к интеллектуальной деятельности, мне кажется, состоит в том, чтобы донести до власть предержащих простую мысль: с разрушенным национальным сознанием, при кризисе беспочвенности, никакие экономические, созидательные задачи просто невозможны.

Поскольку в ситуации разрушенного национального сознания надо как-то управлять электоратом, действительно отлажена модель, мы видим, она работает, она всех удовлетворяет — это политтехнология. Но политтехнология в основе своей, как известно, предполагает игру на человеческих слабостях, в то время как всякое сознание создается ориентацией людей на некие положительные ценности, на силу, а главное — на правду.

Наш русский принцип — не в силе Бог, а в правде, в ориентации на правду. А политтехнология — это заведомо ориентация на неправду,

и телевидение эту политтехнологическую манипуляцию успешно реализует. Это совершенно саморазрушительный процесс.

Есть такой способ для океанского лайнера войти в бухту во время шторма: выбрасываются бочки с жиром, и появляется плёнка, позволяющая судну проскочить туда. Но все, так сказать, морские люди прекрасно знают, что после этого уже никто в эту бухту не сможет войти, потому что сила шторма увеличивается многократно.

Всё это разрушительные процессы. Надо объяснять, как эти процессы методично разрушают то, с помощью чего мы можем действовать. Вот почему мне так понравился — я не первый раз слушаю Даниила Борисовича — доклад, потому что это внятно описывает разрушительный процесс. Очень внятно.

Теперь небольшое замечание о способах выхода из этой ситуации. Один из них был предложен недавно группой академиков, которые подписали письмо с просьбой создать канал «Просвещение». По моему глубокому убеждению, в существующем культурном пространстве этот канал, если и появится добрая воля его создать, будет носить вымороченный характер, потому что настоящий телеканал — это целая индустрия, включая и промоушн, и рекламу. Я уверен, что если хоть какой-то промоушн сделать каналу «Культура», то некоторые программы этого канала буду вполне конкурентоспособны.

Но есть ещё одна проблема. Действительно, создан рынок, финансовые возможности Первого, Второго каналов, НТВ позволяют собрать лучших операторов, лучших специалистов во всех областях (телевидение — командное дело, один человек ничего не сможет сделать), там лучшие сценаристы, лучшие комментаторы, — всё лучшее туда, потому что там деньги. Я могу сказать, что канал, на котором работаю я, не может себе позволить и четвёртой части этих затрат. Соответственно, это сразу влияет на качество продукта и на всё прочее. Создать-то мы можем, конечно, все что угодно, но в существующем пространстве — культурном, медийном, политическом — такая просветительская программа будет, на мой взгляд, мёртворожденным ребёнком.

С. П. Капица

Феликс Вельевич, Вы обратили внимание на письмо, к которому я имею прямое отношение. Здесь есть два момента: необходимость того, о чём мы сегодня говорим, — просвещение, акцент на ценностях, без которых общество существовать не может, и технология процесса. Когда

создавался канал «Культура», многие говорили, что нельзя загонять культуру в гетто, где она будет себя чувствовать уютно, но замкнуто.

Речь идёт о том, чтобы окультуривать государственные каналы, которые должны выполнять эту миссию. По каким-то причинам они ее не выполняют.

В резервации канал «Культура» процветает — это удачный канал, но если также поступить с наукой и образованием, то это будет печально. Использовать телевидение для образования людей и для пропаганды науки абсолютно необходимо — об этом сказано в письме, подписанном деятелями нашей науки и культуры.

Я хочу предоставить слово Дмитрию Константиновичу Киселёву. Одна из его программ называется «Национальный интерес», поэтому он в каком-то смысле отвечает на поставленные сегодня вопросы. Отвечает ли наше телевидение задачам, которые Вы сами затрагиваете в «Национальном интересе»?

Д. К. Киселёв

Я отвечаю за то, что я делаю. Я веду новости и делаю единственное политическое, мировоззренческое шоу на отечественном телевидении в прямом эфире на Москву и Европу — это программа «Национальный интерес». И всегда рад приветствовать там и Сергея Петровича Капицу и Даниила Борисовича Дондуря.

Доклад был очень яркий — Даниил Борисович очень острый оратор и полемист. Мне кажется, он не случайно воспользовался технологией, которой, по его словам, пользуется телевидение. Это некая понижающая селекция — приёмопонижающая селекция. Нам здесь объяснили, что вокруг тебя много негодяев, и главный негодяй — это телевидение; жизнь полна патологий, и главная патология — это телевидение. Нам как-то сразу стало приятно, мы на это реагируем, остро ощущаем, хотя, мне кажется, что все-таки в этой картине есть некоторое упрощение. Нам также сказали, что телевидение это машинка для зарабатывания денег.

Реплика из зала: Рейтинги!

Д. К. Киселёв

А рейтинги — это основа телевидения, это близнецы-братья. Но на телевидении есть и некоммерческие проекты, где рейтинг не доминирует, мы это знаем. Рейтинг не стоит во главе угла телевидения. Есть

Д. К. Киселев

целые каналы, которые убыточны. Например, канал «Культура». Он же не зарабатывает денег сам на себя. (*Шум в аудитории*).

Ну, давайте просто посчитаем на счётах. Есть что-то большее, чем деньги? Да есть что-то большее, чем деньги, но бухгалтерия — это деньги. С точки зрения бухгалтерии канал «Культура», конечно же, убыточен. Так мы можем договориться до Максимилиана Волошина. В Коктебеле реконструирован его Дом-музей, где есть некоторые его факсимильные письма. В одном из них он говорил: «Самое большое зло на земле — это зарплата». Он был рантье, он мог себе позволить суждение, что зарплата, деньги — вещь презренная.

Конечно, телевидение у нас несовершенно, но, тем не менее, у нашего телевидения есть определённые достижения. Если мы признаём, что телевидение во многом контролирует сознание в России, что это инструмент

контроля сознания со всеми минусами и всеми плюсами, то за последние годы всё же большинство людей с большим оптимизмом смотрят в будущее, и нация всё же более консолидирована, чем 15 лет назад, когда страна просто разваливалась. Конечно, есть определённые потери на этом пути, и наше телевидение далеко не идеально. Но говоря о его язвах, мне кажется, общеизвестных, хотелось бы услышать, а какое оно, идеальное телевидение? Существует ли оно вообще где-нибудь? Одним глазком бы посмотреть на него и поучаствовать в его создании.

Мы его делаем каждый день, и я не хочу сказать, что телевидение делают люди без ценностей или телевидение делают люди более глупые, чем те, которые его критикуют. Кстати, по поводу телекритики. Мне кажется, что серьёзная, содержательная телевизионная критика, если угодно, вообще отсутствует в нашей прессе как институт. Тоже хотелось бы на неё опираться и посмотреть на неё хоть одним глазком. Где это идеальное телевидение и где эта содержательная телевизионная критика? Вот такие у меня соображения.

А рейтинг? Мне тоже не нравится рейтинг, который часто бывает решающим. Но предложите другие измерители. Может быть, где-то в мире существуют измерители, кроме рейтинга? Назовите какой-то другой механизм — мы им воспользуемся. С удовольствием, мы непротив.

С. П. Капица

Наш следующий выступающий — Андрей Васильевич Дахин, проректор Волго-Вятской академии государственной службы, Нижний Новгород.

А. В. Дахин

Начну с ремарки и напомним высказывание французского социолога Пьера Бурдьё⁴. В одной из последних книг о телевидении и журналистике он очень хорошо и понятно ввёл термин «рейтинговый менталитет», характеризуя особенность менталитета западной журналистики и западных машин, производящих журналистскую массовую информацию. Смысл его как раз в том, о чем говорил докладчик: зависимость информационной сферы, информационного общества от рекламной сферы.

С этой точки зрения я вижу первую любопытную и сложную проблему, состоящую в том, что у нас на самом деле не чисто информационное

---

⁴ Пьер Бурдьё (1930–2002), французский социолог и философ.

общество, у нас рекламно-информационное общество. И рейтинговый менталитет — это термин, фиксирующий этот сложный микс.

Что происходит в такой ситуации? А происходит очень простая вещь: рекламная перегрузка информационных программ, информационных носителей, информационной сферы. Информационная сфера сгибается под грузом того, от чего она зависит, — от рекламной нагрузки. Обездвиживается. Она не способна настраиваться на ценностные задачи. Может быть, там и есть творческие ресурсы, но есть и этот груз, эта зависимость, вериги, от которых деться некуда.

Можно как-то избавиться от этой рекламной перегрузки информационной сферы? В принципе, возможно? По существу вопрос состоит в том, может ли информационная сфера, телевидение черпать деньги из какого-то другого источника — не из рекламы? Если думать об идеальном телевидении, значит, нужно понять, возможен другой источник или нет? Я не готов сказать, возможен он точно или нет, хотя какие-то версии могу привести.

С. П. Капица

Платное телевидение.

А. В. Дахин

Например, платное телевидение, могут быть другие версии. Но я хотел бы обратить внимание вот на что: почему рекламный бизнес садится на спину информационным программам? На мой взгляд, в этом парадоксальная странность рынка рекламной экономики. Она архаически построена по двум главным принципам.

Первый принцип — абсолютная бесправность потребителя. Найдите любую другую сферу экономики, где потребитель не имеет возможности решать взять—не взять, взять это или то. Нигде такого нет. Даже в советские времена это было смешно: я прихожу и хочу получить что-то, и я не могу выбрать. Душ включается, когда мне это не надо, — ну где вы такое найдёте? Но реклама действует именно так. Это очень архаичный принцип устройства рынка.

Второй принцип состоит в том, что, хотя мы и говорим «рекламный продукт», реклама не хочет числить себя продуктом, самостоятельно идущим на рынок. Она обязательно садится на спину кому-то — другому информационному продукту. Это как в Советском Союзе в нагрузку к хорошему продукту, например торту, давали полкило гнилых помидоров.

А. В. Дахин

Нигде в других сферах экономики такого нет, поэтому мне кажется, что проблема рекламной перегрузки и деформации информационного пространства таится где-то в регуляторах экономики рекламного бизнеса. Она где-то таится там, где остались и до сих пор существуют два этих архаичных принципа, давно отсутствующих в экономическом пространстве.

С. П. Капица

По-моему, это важное замечание. Оно немного сродни тому, о чём мы здесь говорили по поводу другой экономической категории — интеллектуальной собственности. С моей точки зрения, нельзя на интеллектуальную собственность распространять простые рыночные отношения, потому что интеллектуальная собственность — необратимая вещь

и обладает свойством размножаться сама по себе — через «Горбушку», через систему преподавания, по любым другим каналам. Поэтому основные принципы экономики, в соответствии с которыми продукт сохраняется и всякая транзакция обратима, здесь полностью нарушаются.

То же самое с рекламой, со свободой выбора, являющейся основой нормального равновесного рыночного хозяйства. Реклама и политехнологии — это отрицание всякой демократии, когда всяческими уловками аудитории навязывается политическое мнение. Так что здесь затрагиваются очень глубокие основы как экономики, так и социума.

У кого есть замечания по этому поводу? Пожалуйста, Иосиф Евгеньевич Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии.

И. Е. Дискин

Я попробую коротко обратить внимание на одно обстоятельство. Когда речь идет о проблемах систем, в которых функционируют десятки миллионов человек, и обсуждается, как это можно изменить, мне представляется, что к этому надо подходить крайне осторожно. Нужно прежде всего понять, а почему это так, и только когда мы поймём, почему это так, можно выстраивать механизмы изменения, следуя принципу «не сделать хуже».

Несколько раз в российской истории господствовало убеждение, что хуже быть не может, однако, мы скоро убеждались, что очень даже может. Это тезис первый: крайне осторожно.

Я полностью разделяю негодование Даниила Борисовича по поводу того, что сегодняшнее российское телевидение сеет не доброе и не вечное. Но только давайте поймём, а почему это сильно отличается от того, как функционируют коммерческие каналы в Соединённых Штатах Америки. Я не буду говорить о ВВС, действующей совершенно по другой экономической модели, или об общественном телевидении Германии со своей экономической моделью.

Возьмём коммерческие каналы США, где по этической составляющей ничего близко не может быть похожего с тем, что показывают на нашем телевидении, потому что если и может, то ровно столько, сколько понадобится времени президенту компании, чтобы доехать и подписать приказ об увольнении. Давайте поймём, а почему? Частично об этом уже говорил Алексей Георгиевич [Левинсон], — потому что это оскорбляет нравственные чувства аудитории, и эта аудитория ответит соответственно: нет ничего острее оскорбленного нравственного чувства. В дело

И. Е. Дискин

вступает такая инстанция, как этический фундамент общества, которая становится препятствием для несоответствующих действий.

А у нас нет таких препятствий, ничто не оскорбляет нравственного чувства нашего общества. Никто, за исключением узкой группы людей, исповедующих те же ценности, что и здесь сидящие, не пишет и не говорит, и, самое главное, не переключает каналы, не нарушает рекламные рейтинги и т. д. Поэтому главная причина здесь — этический фундамент российского общества. Это эмпирический факт. Наше телевидение не оскорбляет чувств ста миллионов населения. В разной степени затрагивает чувства, скажем, небольшой его части, но в целом — не оскорбляет.

Значит, вопрос состоит в следующем: либеральные механизмы, основанные на позиции снизу, не работают, мы не можем на это полагаться.

Тогда критика Даниила Борисовича по поводу рейтингов справедлива. Механизм рейтинга, основанный на том, что позиции всех людей равны и всё, что людям нравится—не нравится, можно складывать, делить, умножать и получать рейтинг, — это не инструмент рынка, это инструмент социокультурного влияния. С этим я полностью согласен. Только вопрос состоит в следующем.

В тот момент, когда вы говорите, что либеральная база в нашей стране в силу определённых социальных, культурных, исторических причин работает для этого слабо, попробуйте встать на другую позицию — консервативную, в соответствии с которой определённые круги общества принимают на себя функцию учителя и носителя истины, добра, красоты, справедливости и пр. Но тогда возникает очень сложный вопрос, а кто эти «круги общества» сегодня? Когда-то такую миссию пыталась взять на себя русская интеллигенция, и в каком-то смысле в её среде существовал некий консенсус по поводу того, что понимать под истиной. Согласно этому консенсусу, всякое государство — враг. Добро — это быть лицом к лицу с нашим братом меньшим, руководствоваться этическими представлениями низов, Сонечки Мармеладовой. А что сегодня?

У меня глубокое сомнение в том, что сегодня у нас существует консенсус среди этих патерфамилия. Их представители высказывают весьма различные точки зрения по поводу того, какие ценностные констелляции необходимо доносить до этого самого брата меньшего. Это одна проблема.

Вторая проблема — механизмы выдвижения: кому делегируется право учить? Демократические механизмы, как было сказано, здесь не годятся. У нас действительно не годятся. Для этого, возможно, подошла бы аристократическая позиция, но с наследственной аристократией некие трудности — значит, возникает вопрос, а как?

Эти проблемы, я думаю, у нас все-таки кое-кем осознаются. На телевидении существует анклав, где рядом, бок о бок, без рекламы, а только с перерывом на новости, мы видим передачи, в которых отражены разные социо-культурные позиции.

Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить Феликса Разумовского за дивную передачу про Грузию⁵. Давно я не получал такого удовольствия, большое спасибо!

---

⁵ Цикл передач «Грузинская песнь России» (5 частей) в авторской программе Ф.Разумовского «Кто мы?», т/к «Культура».

Наряду с этой позицией существуют и совершенно другие. И я думаю, пока мы не выстроим национальный консенсус, хотя бы в рамках элит, вокруг чего нам строить эту самую патерналистскую аристократическую позицию, чтобы доносить её до масс, я бы очень поостерёгся менять что-нибудь в этой системе. Потому что может быть хуже, сильно хуже.

С. П. Капица

Ваши слова о том, что менять что-либо надо очень осторожно, напоминают мне мой разговор с Милтоном Фридманом⁶. На протяжении нашей беседы он все время повторял: «Не спешите с вашими реформами, у вас большая страна, сложная история» и т. д., и т. п.

И. Е. Дискин

Должен сказать, в 1987 году во время выступления по телевизору одна из глубокоуважаемых «матерей» советской социологии упрекнула меня в том, что я не верю в творческий потенциал советского народа.

С. П. Капица

У каждого свои иллюзии.

Д. Б. Зимин

Мой сосед только что сказал, что совет Фридмана был выполнен полностью.

С. П. Капица

По-моему, нам надо уже постараться перейти к ответам на поставленные вопросы. Как говорится, что же делать? Слово Евгению Рувимовичу Арензону, старшему научному сотруднику Института мировой литературы РАН.

Е. Р. Арензон

Здесь прозвучала мрачная шутка, что лучшим моментом в жизни нашего телевидения были три дня пожара Останкинской башни. В свою очередь напомню (без шутки) об одном любопытном обстоятельстве из истории телевидения.

---

⁶ Фридман Милтон (Friedman Milton) (1912–2006), американский экономист, удостоенный в 1976 г. Нобелевской премии по экономике.

В Израиле национальное телевидение началось где-то на рубеже 1967–1968 годов — значительно позже, чем в других странах. Присутствующие понимают, что Израиль не последняя страна по части всяких технологических новаций, в том числе информационных. Разумеется, и там у людей были телевизоры, но смотрели они иностранные передачи.

Не финансы, не какие-то научно-производственные проблемы препятствовали развитию собственного ТВ. Препятствовало руководство страны. Долгое время ею управляла рабочая социалистическая партия с достаточно светским мировоззрением, считавшая, что по самой своей сути «телеящик» снижает нравственный и умственный потенциал нации. Но против лома, как известно, нет приема. Невозможно долго стоять на пути технического прогресса. В каких цифрах измерять понижение нравственного и умственного уровня израильтян, я не знаю.

Говорю это, как бы комментируя риторический вопрос: «А где есть хорошее телевидение?» Да нет его нигде, если иметь в виду некий идеальный образец. Человеку больше пристало размышлять над книгой, а не хлопать глазами на движущиеся картинки. Тем не менее я присоединяюсь к мнению Президента Дмитрия Медведева и согласен, что у нас все же интересное и достойное телевидение. Как рядовой российский обыватель я пользуюсь тем, что показывают общедоступные программы (у меня нет ни кабеля, ни тарелки для приема спецканалов). Но именно благодаря телевидению я каждый Новый Год с удовольствием смотрю и слушаю замечательные симфонические концерты Венской филармонии. Мне нравятся научно-популярные фильмы BBC о дикой природе, а также историко-культурные сериалы того же производства (на киноэкране я их не увижу). Я включаю телевизор, зная, что мне интересно и важно посмотреть, я отключаю его по своему желанию...

Разумеется, предмет нашего разговора — не личные вкусы отдельных людей. Мы обсуждаем телевидение как феномен массовой культуры. Речь идет об огромной стране, о миллионах ее жителей, о миллиардных бюджетах СМИ. Кто-то сказал, что идет дебилизация населения, специально инспирируемая правительством в своих политических целях. Главный докладчик поднимал вопросы экономического характера. Но только этим аспектом ситуацию не объяснить. Кому принадлежит телевидение? Кто руководит этим мощным средством промывания мозгов, усреднения знаний и эмоций огромной аудитории?

Поскольку я не только смотрю телекартинки, но еще слушаю радио (а иногда даже читаю газеты), я по именам знаю всех гуру либерализма,

утверждающих, что демократия (и расцвет культуры) возможны только с допуском их на главные телеканалы страны. Я за свободу слова и мнений (и в этом смысле тоже либерал). Но долго прожив и пережив немало, я уверен, что если завтра эти люди окажутся в наиболее влиятельных средствах массовой коммуникации, уже послезавтра они вытеснят оттуда всех, кто будет с ними не согласен. Персонажи новостных известий обновятся, все остальное останется без изменений.

Мы почему-то мало говорим о профессиональной ответственности (или безответственности) тех, кто непосредственно занимается конструированием телевизионного мира иллюзий, трансформаций и прямых подлогов. На мой взгляд, за последние 15–18 лет никаких кардинальных изменений в этом сообществе не происходило, хотя менялись президенты и так называемые политические режимы. Люди уходят с канала на канал, убыстряется или замедляется их карьерный рост, меняются конфигурации менеджмента и сюжетных форматов. Рейтинг остается показателем и следствием материального успеха каждого телевизионщика персонально. Идет почти демонстративное соревнование в степенях обогащения. Я не собираюсь заглядывать в чужие карманы, но если народ «оболванивается» (с помощью безразмерных рекламных допингов), то надо же знать, за что и кто именно получает соответствующее «бабло».

В истории отечественного ТВ последних лет самой великой передачей (с точки зрения внутренней экспертизы) считается половой акт, показанный программой «За стеклом». Способствовали успешному «изменению России» (с той же объясняющей позиции) концентрированные показы трупов и ужасов: от «600 секунд» в перестроечные годы до «Программы максимум», обслуживающей сегодняшнего телепотребителя.

Не важно, что эти телепроекты реализованы командами разных, так сказать, политических ориентаций. И то, и другое отмечено рыночным успехом, и потому одобрено экспертным мнением. Так выстраивается иерархия телепродуктов (включая и околонаучную чернуху, и псевдо-историческую публицистику), которые «пипл хавает».

Противоядием может стать осознанная оппозиция общества за пределами телевизионной корпорации. Но люди, которые этим интересуются, утверждают, что в стране отсутствует достаточный слой населения, который будет поддерживать общественное телевидение материально, и работать надо на реально существующую аудиторию. Но мы еще со школьной скамьи усвоили истину, что «жить в обществе и быть свободным от этого общества нельзя».

Фото В. Федорова

Е. Р. Арензон

Вот почему меня обрадовало недавнее радиоинтервью члена-корреспондента РАН Р.С. Гринберга. Ему присуждена какая-то европейская научная премия за работу о роли государства в рыночной экономике. Речь идет о том, что не может государство быть вытеснено из всего многообразия отношений, связывающих людей в некое органическое единство. Главный же тезис наших сверхлибералов заключается в том, что присутствие государства терпимо только в качестве гаранта частной собственности (любого происхождения). На этом его функции кончаются. Но если я вижу что-то хорошее на телеэкране, то это относится к государственному каналу «Культура», свободному от конкуренции на жирной денежной ниве рекламодателей.

Вспоминается А.С. Пушкин, который с горечью говорил, что единственный у нас возможный просветитель — государство.

С. П. Капица

Спасибо, Евгений Рувимович. Я попрошу выступить Андрея Михайловича Туркова, писателя, литературоведа, который просвещал нас по поводу творчества и личности М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А. М. Турков

Много лет назад в Литературной газете был такой шарж: большая скала, на которой стоит книга с завязанными назад руками, а перед ней орда телевизоров. Она стоит на краю пропасти. Это было Бог знает когда и воспринималось как мрачная шутка.

В наше время мы видим некоторые последствия этого. Одно из последствий, вероятно, дошедших до нас какими-то сложными путями, это обсуждаемое нами качество телевидения. Рядом с этим существует то, что происходит сейчас в школах, где фактически убирают литературу из преподавания. Я считаю, что это системный процесс. Например, был такой замечательный журнал «Литература в школе» — выясняется, что теперь он никому не нужен. Все это очень хорошо вписывается в картину, о которой все в один голос говорят, определённой дебилизации и того, что очень хорошо назвал Д. Б. Дондурей понижающей селекцией.

Селекции происходят не только на телевидении. Мы почти сегодня не говорили о радио.

С. П. Капица

Я говорил о языке радио, который ужасен.

А. М. Турков

На радио была прекрасная радиостанция «Орфей», разнообразная и интересная. Я был постоянным её слушателем и хорошо помню её передачи, в частности, передачу о разных трактовках музыкальных произведений. Сейчас передач такого уровня вы на этом радио не услышите. Зато диктор будет очень мило говорить: «Сейчас я вам представлю скрипка — он очень сексуальный», что ещё пять лет назад было недопустимым. Тяжелое ощущение...

Одно из последних также тяжёлых ощущений связано у меня с тем, о чем, кстати, говорил Евгений Рувимович [Арензон] в связи с необходимостью участия правительства, властей в культурной политике. В 2010 году исполнится 100 лет со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского — не последней фигуры в нашей культуре и нашей

Фото В. Федорова

А. М. Турков

истории, учитывая Великую Отечественную войну, да и дальнейшую судьбу страны.

Целый год предыдущий министр культуры не мог сформировать оргкомитет по подготовке и изданию собрания сочинений Твардовского. А когда оргкомитет был сформирован, долго не могли подписать соответствующее распоряжение. Подписали и собрали оргкомитет в тот день, когда накануне Соколова убрали с должности министра культуры.

Это была поразительная, совершенно щедринская картина: мы собрались, а вся чиновная часть была занята не «каким-то» Твардовским, а тем, что с ними со всеми будет, какие произойдут перестановки и пр. А дальше пошло отпихивание: нет, это мы не будем делать, это должен делать кто-то другой и т.д., пусть Смоленск издаёт. Так это все сейчас и повисло. Мы, кто пытается заниматься подготовкой собрания

сочинений Твардовского, не знаем, кто нас будет субсидировать. Нам говорят, ищите спонсора. Это позор, вообще-то говоря: подготовку к 100-летию такого поэта превратить чуть ли не в частное дело. Это одно из печальных следствий происходящего в культуре.

Я не хочу сваливать все беды на бездействие власти. У нас действительно, и это по-разному сегодня прозвучало, не очень благополучно в обществе с моралью, с национальной гордостью, я бы сказал. Приведу пример. Я пришёл и сразу набросился на Сергея Петровича с новостью о том, что у нас уже дважды переиздали книгу о Чехове зарубежного исследователя русской литературы Дональда Рейфилда⁷. Первый раз книга была напечатана в 1997 году. Поразительно, что в нашей стране переиздают книгу, главная прелесть которой для определённой части читателей и, увы, для определённой части издателей состоит в исследовании, с кем и как жил Чехов и т.п. Книга совершенно опереточная по своему содержанию. Заодно выясняется, что этот исследователь Чехова просто не понимает. Он пишет, что «Человек в футляре» — это осуждение лжесвидетельства. Попробуйте найти лжесвидетельство в этой книге. Он пишет, что «Анна на шее» — это мотивы женоненавистничества и т.п.

У нас это издают и, более того, пишут, что наконец-то, появилась первая объективная книга о Чехове. Неблагополучно у нас с этим, и неблагоприятно, как говорится, сверху донизу.

Произошёл такой эпизод. Безумная радость по поводу победы Димы Билана на конкурсе Евровидения. Всенародное ликование. Получилось так, что на следующий день я был как раз на праздновании 75-летия замечательной серии «Библиотека поэта», когда-то созданной Горьким, фигурой теперь почти одиозной. Изумительная серия. Хоть бы кто из правительства поздравил бы эту редакцию с тем, что они 75 лет осуществляли большое культурное дело. И я с грустью слушал тогда выступление Дмитрия Борисовича Зимина и вспомнил о том, что сейчас, к сожалению, очень больной Даниил Александрович Гранин недавно выпустил книгу об интеллигенции, вообще о публицистике. Он несколько раз с полной ответственностью повторил там горькие слова: «Я не вижу в верхах нашей власти людей, у которых болит сердце за страну».

---

⁷ «Жизнь Антона Чехова»; Дональд Рейфилд — профессор Лондонского университета.

Преувеличение, скажете, гипербола? А что-то в этом всё-таки есть. Я думаю, что и телевидение разделяет в какой-то степени последствия такой ситуации.

С. П. Капица

К сожалению, по-моему, часть нашей интеллигенции разделяет такую же позицию. Получив свободу, она не чувствует ответственности за то, что происходит. Вообще, сегодня тема ответственности телевидения почти не рассматривалась.

Я хочу дать слово Зое Эдуардовне Ларькиной, генеральному директору агентства экономической информации АК&М.

З. Э. Ларькина

Безусловно, телевидение — это бизнес. Бизнес, как любой другой, со своими особенностями, с очень большим рынком и большими последствиями. И, как любой бизнес, он должен регулироваться государством. В нашей экономике нет ни одного вида бизнеса, который бы жёстко не регламентировался государством.

Мне, допустим, ближе всего рынок ценных бумаг, поскольку это основная аудитория нашего агентства. Десять лет назад были проведены очень серьёзные действия со стороны правительства, Государственной Думы, было создано законодательство, которое без конца улучшается, и существует очень жёсткий свод законов, правил, по которым работает этот рынок. Нельзя выйти, нельзя выпустить некачественный инструмент, нельзя провести некачественные действия. Всё это много раз проверяется.

Рассуждая о телевидении, мы говорим — и это прозвучало во многих выступлениях сегодня — о его влиянии на духовное здоровье населения. В связи с этим у меня возникает аналогия с фармацевтикой. С этой областью у нас связано здоровье физическое. Понятно, что есть особенности, об этом можно говорить долго, но, тем не менее, существует совершенно понятный, жёсткий механизм допуска лекарств на рынок и влияния этих лекарств на физическое здоровье населения. Это разрешение Минздрава. Каждое лекарство семь лет проходит клинические испытания, и по результатам выдается вердикт, можно его использовать или нельзя.

Чем телевидение отличается от фармацевтики? Конечно, отличие есть, но по своему влиянию, по структуре это очень схожие рынки.

З. Э. Ларькина

Соответственно, что предлагаю я? Ну куда мы от этого не денемся и можно называть это по-разному: самое простое — и это сегодня прозвучало — да, цензура, жесткая цензура выхода тех или иных программ, телепередач. Невозможно поддерживать, создавать и развивать эстетические нормы, поддерживать духовное состояние населения без такого рода санкций.

Как человек сугубо практичный я понимаю: чтобы ввести такую цензуру, требуется очень серьёзное лоббирование на всех этажах нашей власти. Любое лоббирование, безусловно, требует денег. И здесь, несмотря на то, что я взялась говорить о том, что делать, скажу, что такой силы, которая дала бы деньги на лоббирование законопроектов, соответствующих постановлений правительства, администрации, я не вижу. Тем не менее я понимаю, что люди во власти — абсолютно трезвые, и если

даже небольшими силами со стороны элиты, может быть Никитского клуба, довести и каким-то образом воздействовать на людей, принимающих решения, идей о необходимости жёсткой цензуры, заградительных мер для функционирования телевидения, то эффект будет.

А что касается рейтингов, — рейтинги на телевидении, безусловно, будут, как и на любом рынке. Рейтинги есть и на финансовом рынке. Их много, они разные, их воспринимают. Это рынок, и никуда от этого мы не денемся. Но государство должно здесь вмешаться достаточно жёстко.

С. П. Капица

Мы приближаемся к завершению нашего заседания. Никто ещё не высказывался об Общественном совете, который мог бы быть инструментом такого контроля. Такие попытки в самом Совете неоднократно обсуждались, но, к сожалению, ни к чему не привели.

Слово просит Наталья Всеволодовна Шалягина, профессор Международного университета. Прошу Вас.

Н. В. Шалягина

Я юрист, и многие меня здесь знают, поскольку я работала под эгидой министерства культуры в научно-исследовательском центре, занималась проблемами государственного управления в области культуры и даже написала на эту тему кандидатскую диссертацию, правда, в 1984 году. Могу предположить, что вряд ли кто-то пошёл по моим стопам, потому что любой пошедший по моим стопам наверняка разыскал бы меня, чтобы пригласить в оппоненты. Я так понимаю, мой опыт в этой области остался единственным.

Господин Дондурей, которого я тоже знаю давно, конечно, справедливо говорил о телевидении с точки зрения нравственных критериев, но ведь в государственном управлении много разных критериев. И сейчас телевидение, о чём справедливо говорил г-н Киселёв, оценивается по другим критериям. И с точки зрения этих других критериев оценки оно вполне успешно.

Вопрос в том, какие задачи и цели задает политическое руководство государственному управлению в области культуры в лице парламента как представительства нас всех и общества в лице, например, Общественной палаты как общественного органа, которому никто не закрывает рот. Они-то какие критерии задают? Если они зададут

критерии, — эти критерии можно ясно выразить в юридических документах. Это соответствующая статья в Конституции, соответствующий закон, соответствующее положение о министерстве культуры, где будут ясно сформулированы его цели. Цели можно сформулировать, и тогда можно будет спросить, выполнены задачи, реализующие эти цели, или не выполнены.

Во всех областях управления есть возможность задать цели и затем проверить их исполнение. Сейчас управление в сфере культуры отсутствует, и вы все это констатировали. Оно разным образом приватизировано, и каждый на своем месте в сложившейся ситуации делает то, что минимально его, скажем, удручает.

То, о чем говорил г-н Турков, вполне естественно: министерские чиновники такие же люди, как и все, они должны получать зарплату и кормить свою семью. И когда их снимают с должности, они, естественно, думают не о юбилее Твардовского, о котором с удовольствием подумали бы как образованные люди в другое время, — они думают о том, где будут работать завтра и получать зарплату. Здесь укор в их адрес неуместен, потому что, если их тасуют каждые тридцать минут, то они и думают о том, где будут получать зарплату.

Если перед чиновником поставлены ясно сформулированные цели, тогда и спрашивать с них можно. Но общество-то не формулирует этих целей. Все говорят о ценности патриотизма, а вся Москва увешана рекламными плакатами, где ценность патриотизма представлена в виде шапки Мономаха, царской короны, а следом — золотая пробка от пива. Никого это не возмущает. Никто не кинул гнилой помидор в такую рекламу.

Возмущает реклама на телевидении, где голых девочек показывают. А никого не возмущает реклама на телевидении, где в качестве рекламного продвижения используется конфликт положительных ценностей, конфликт семьи, конфликт дружбы. Человек выбирает между дружбой и семьей, и непонятно зрителю, что ценнее — семья или дружба? И это движет рекламу. И никого это не удручает. Никто даже не замечает этого.

Я не говорю о криминологической составляющей телевидения. Там нет никакой экспертизы криминологического воздействия. Чем больше будут показывать педофилов, — это вам любой криминолог скажет, — тем больше будет таких преступлений.

С. П. Капица

Это ясно.

Н. В. Шалягина

Н. В. Шалягина

Это ясно было ещё знаете, когда? Был в своё время фильм, где очень милый такой, легкий хулиган поджигал газеты в почтовом ящике. После этого по стране прокатилась эпидемия такого рода шалостей.

С. П. Капица

Сейчас у нас с автомобилями то же самое (имеется в виду прокатившаяся в Москве серия поджогов автомобилей. — *Ред.*).

Н. В. Шалягина

Чем больше вы будете показывать в новостях подожженные автомобили, тем больше будет подожженных автомобилей, потому что каждый отпущенный на каникулы великовозрастный юноша сочтет нужным

отметиться на этом пути. Поэтому должна быть и психологическая экспертиза, и общественные советы. Но общественные советы, формируемые действительно из нравственных и уважаемых в обществе людей, а не из монстров, вытасненных из нафталина.

В США, в Великобритании и в других странах есть юридически разработанные механизмы для этого. Но только общество, проявив заинтересованность, натолкнётся на то, что уже дракона-то вырастили, и он о трёх головах, и очень финансово достаточный.

Скажу, после попыток заниматься управлением в области культуры я уже давно сделала карьеру в области недвижимости. И признаюсь, что в области недвижимости с точки зрения личной безопасности гораздо спокойнее. Гораздо!

С. П. Капица

Спасибо. И последнее сегодня выступление — Владимир Григорьевич Лившиц, советник руководителя Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ).

В. Г. Лившиц

После состоявшегося обсуждения мне хотелось бы изменить замысел своего выступления и рассказать о том, что мы уже делаем и что, на наш взгляд, следует делать.

Первое — это, конечно, выяснить, на что мы хотим воздействовать и по каким направлениям. Мы говорим сегодня о телевидении, как будто не представляя, что это не трёхглавая гидра, а многоглавая и вовсе не гидра. Это совершенно разное, многогранное явление, которое нельзя оценивать только по контенту федеральных каналов. Вот сегодня, например, начинается десятый фестиваль в Ханты-Мансийске, экологический фестиваль «Спаси и сохрани», там же ежегодно проходит телефестиваль «Золотой бубен».

Сергей Петрович знает, что в Томске несколько лет подряд идёт прекрасный фестиваль «Разум. XXI век» и создан одноименный научно-образовательный канал. Я только что вернулся из Сочи с фестиваля «Моя провинция», в котором участвуют десятки региональных компаний всей страны. В Тарусу собираются представители телекомпаний Центрального округа — это фестиваль «Берега». Таких общероссийских или региональных смотров много. Национальная ассоциация телерадиовещателей ежегодно организует фестивали социально значимых программ

Фото В. Федорова

В. Г. Лившиц

и телефильмов «Герой нашего времени» и фестивали детского телевидения «Включайся!». Это всё другое, неизвестное телевидение.

Следовательно, возникают, по крайней мере, две проблемы: как сделать так, чтобы эти программы были доступны телезрителям за пределами отдельных регионов и были бы популярны в случае демонстрации на федеральных каналах. Говоря иначе, проблема федерального канала регионов ТРК «Петербург — 5 канал» и проблема канала «Культура».

И второе. Не так давно состоялась конференция в ИНИОН РАН, где я услышал и до сих пор нахожусь под впечатлением от короткого, но удивительно ёмкого доклада Виталия Леонидовича Тамбовцева. Все изменения, которые мы здесь обсуждаем и которые мы в Национальной ассоциации телерадиовещателей тоже предлагаем, носят проектный характер: давайте создадим такой-то канал, давайте заменим

развлекательные программы, которые нам представляются вульгарными, на прекрасные и полезные просветительские и образовательные, и все изменится. Это всё предложения проектов, которые возможно реализовать и осуществить. Наряду с каналом «Культура», вы знаете, созданы каналы «Спорт» и ТВ7, созданы каналы информационного вещания, каналы детского вещания, каналы мистики и, кстати говоря, научных и образовательных программ. Всё это уже есть. Мы должны понимать, что чего-то из этого нет только на общедоступных эфирных каналах.

Речь идёт о другом — о том, что нужны не локальные проекты, а то, что Виталий Леонидович назвал институциональными изменениями. И здесь существуют предложения и вектор развития. Какие это предложения? Наша телевизионная российская система очень архаична. Она является «дуальной», т.е. представляет государственное и коммерческое телевидение. На самом деле никакого дуального подхода здесь нет: и то, и другое — коммерческое телевидение исключительно. Огромная проблема в коммерциализации программ почти на всех каналах. Какой выход? Как ни покажется странным, создавать настоящие государственные каналы с определенными и заявленными миссией, программной политикой и социальной ответственностью. Если основным источником их существования будет не реклама, а бюджет, они могут и должны в соответствии со своей миссией формировать качественный контент.

В своё время М.Лесин, будучи министром по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, говорил, что стране достаточно одного государственного телевизионного канала, одной государственной общероссийской газеты, одной радиостанции и одного информационного агентства. Я с этим согласен. Но у нас нет ни одного государственного канала. У нас даже тот единственный канал, в названии которого содержится слово «государственный», по программной политике — коммерческий. Вывод: необходимы институциональные изменения для создания государственного — не только по имени учредителя и характера финансирования — канала и общественного канала, общественного телевидения.

Далее. Общественный канал может быть создан, но, скорее всего, он превратится в своего рода резервацию, как «Культура», а все остальные останутся «антиобщественными», как сегодня они антикультурные. Потому что есть на что сослаться, чем «прикрыться». Следовательно, мы должны продвигаться к тем европейским, совершенно четко и давно и ясно определённым ценностям, которые мы в своё время, года три

назад, обсуждали на евразийском телефоруме вместе с мироновским комитетом под названием «Интеллектуальные ресурсы России» в Дубне, а потом и в Москве. Мы назвали это «социально ответственное телевидение», предложили именно институциональные изменения. И использовали там некие, лишь некоторые положения европейской конвенции о трансграничном вещании. Теперь Россия к ней уже присоединилась, начался долгий период, который я бы назвал периодом «нератификации» этого документа.

Это были предложения институциональных изменений, которые должны быть закреплены в правовом поле. К ним мы предлагали отнести определение частотного ресурса как национального достояния, подобно земле, недрам, полезным ископаемым, а эфира — как общественной собственности; разделение типов государственных и коммерческих компаний с обозначением их миссий, программной политики, способов финансирования и управления; транспарентные финансовые программы телекомпаний и отчетность не только перед владельцами, но и обществом в целом; медианалитику, намного более разнообразную, чем определение долей и рейтингов.

И для этого есть, конечно, возможности Общественной палаты, здесь совершенно верно об этом говорили, других общественных организаций и институтов.

Очень важное направление — создание авторитетного экспертного сообщества. Я согласен с Д. Киселёвым, который говорит сегодня, где она, достоверная, научно обоснованная, серьёзная критика? Хотя она все-таки существует. Но то, что появляется на страницах газет в виде замечательных каких-то отдельных публикаций, — это телекритика, но не аналитика. Критика, рассматривающая отдельные программы, но не исследующая никаких проблем.

Необходимо создание экспертного сообщества. На этом пути мы, конечно, встретимся с проблемами формирования экспертных групп, заказа и проведения экспертиз, а главное, востребованности их результатов. Это все понятные проблемы, их можно решить. Но дальнейшее развитие масс-медиа без научного анализа и прогнозирования, профессиональной экспертизы, определения социальной ответственности общественного института, каковым является телевидение, просто контрпродуктивно.

Следующее направление можно назвать «от государственного регулирования — к саморегулированию». Национальная ассоциация

телерадиовещателей сталкивается с серьезными проблемами в связи с тем, что ассоциацию признают, к ней обращаются, но её предложения могут спокойно игнорировать. Мы написали целые тома предложений к действующим законам и подзаконным актам, к законопроектам, в том числе и четвертой части Гражданского кодекса, но ни Государственная Дума, ни Совет Федерации, ни правовое управление Администрации Президента не использовали ни одного из них. Что же говорить о ведомственных актах, которые зачастую определяют целые пласты взаимоотношений основных игроков медиарынка, а то и их правовой статус! Следовательно, воздействие профессиональных, общественных формирований на процессы государственного регулирования должно быть конституировано. И этим никто, кроме нас, не займется.

Хочу закончить одним показательным, как мне представляется, для всех нас примером. Телевидение это территория, это пространство, это универсальный институт производства смыслов, как любит говорить Даниил Борисович Дондурей, это эфир. Эфир, как уже отмечалось, — общественное достояние, он принадлежит обществу. Общество в лице определенных институтов совместно с органами государственного управления его и должно регулировать.

Но посмотрите, что происходит. Не так давно впервые телевидение и радиовещание стало некоей частью министерства культуры. По этому поводу была подготовлена целая концепция развития телерадиовещания как пространства культуры. Это так называемый проект-концепция «Россвязьохранкультуры». Теперь нет ни проекта, ни концепции. Проект, который был принят правительственной комиссией по развитию телерадиовещания, все-таки технократический.

Можем ли мы что-нибудь поправить? Конечно, можем, потому что наступает период законотворческий, законопроектный — более важный, чем написание концепций. Но теперь, вследствие очередной административной реформы, телевидение стало частью отрасли связи и массовых коммуникаций.

Министерство культуры и массовых коммуникаций, которое не смогло ни освоить, ни использовать телевизионное пространство, по различным причинам, в том числе и персональным, утратило вторую составляющую своего названия и компетенции. Массовые коммуникации, которые являются сутью современного телевидения XXI века, теперь в министерстве связи. Может быть, в этом есть определенная логика. Но есть и опасение, связанное с тем, что те, кто конструировал эти

системы, не видят особой разницы между коммуникациями как системами связи, массовыми коммуникациями как сферой общения и производства общественно значимой информации и *средствами массовой коммуникации*, которые должны формировать и обеспечивать бесперебойное функционирование этой сферы. А это уже сфера научного осмысления, теории коммуникации, фундаментальных предложений и рекомендаций.

Мы знаем, что конструкторы информационного общества отводят телевидению, особенно эфирному телевидению, — а это все общероссийские, в том числе и государственные каналы, — роль аутсайдера, возлагая все надежды на информационно-коммуникационные технологии. В нашей стране это носит как всегда парадоксальный характер, когда специалисты в области связи постулируют, что телекоммуникации не предусматривают никакого телевидения, а инфокоммуникации, в их представлении, не предусматривают никакой информации.

Но другого пути нет, кроме как влиять на тех, кто принимает решения, предложениями институциональных изменений, активным участием в законопроектной работе. Другого пути нет, кроме как имплементация в российские законы норм европейского права, построение триадной системы с общественным телевидением, а на всех каналах — социально ответственное телевидение, саморегулирование, а также создание экспертного сообщества, выработка научных рекомендаций.

С. П. Капица

Спасибо, Владимир Григорьевич. Вы очень сжато и чётко выразили то, что мы сейчас, по-моему, ожидали услышать от Вас.

Мы подошли к завершению нашего разговора и по закону жанра я должен предоставить слово нашему главному докладчику — Даниилу Борисовичу Дондурей.

Д. Б. Дондурей

Я благодарю всех участников дискуссии, и мне показалось, что она была очень интересной. Большой критики я в свой адрес не услышал, то есть практически все были согласны с тем, что я сказал, кроме, может быть... Правильно Дмитрий Киселев обратил внимание на то, что я недостаточно хвалил телевидение. Действительно, из 25 тыс. программ в течение года много, может быть, даже сотни очень пристойных, замечательных программ.

Я согласен также с Алексеем Левинсоном. У нас беспрецедентно свободное телевидение: отработал политическую барщину, и никаких проблем. Никто не имеет таких возможностей, чтобы использовать контент, как ему заблагорассудится.

Еще один момент. Здесь говорили о цифровой революции — она действительно близка, но я не разделяю надежд Александра Привалова, поскольку хорошо знаю и состояние нашего общества, и потрясающих российских умельцев, которые, конечно же, эту «английскую блоху» цифрового телевидения запросто подкуют. И эти три канала, которые сегодня контролируют более 50% эфира по зрителям, по деньгам, по всему, — они, конечно, сделают все возможное, чтобы остаться. Власть делает все возможное, чтобы их поддержать.

Согласен с прозвучавшей идеей о том, что нынешнее положение всех устраивает. Оно устраивает всех участников этой деятельности, кроме нации и её перспектив. Единственная, мне кажется, возможность, оставляющая надежду, это хоть как-то подобраться к тем трем-четырем лицам, принимающим решения, и испугать их состоянием дел. Никаких других вариантов я не вижу. Если это удастся сделать, появятся цели, появятся исследования результатов, тогда появится и понимание. Все они выпускники идеологических школ, прослушали нужные курсы, написали диссертации и всё прекрасно понимают. Они прекрасно понимают, что контроль над интерпретацией реальности — это самое главное, я уже говорил. Они пока еще не испуганы, поэтому телевидение переводится из сферы культуры к технарям, чтобы этим управляли инженеры и те, кто будут пилить федеральные деньги. Пока это еще такая сфера принятия решений, надеющаяся, что будет, как при бабушке, т.е. все, как и было. Но как при бабушке уже не будет, и я думаю, реальность развития газа и нефти в самые ближайшие годы покажет, что бабушка уже умерла.

С. П. Капица

На такой оптимистичной ноте мы и завершим нашу дискуссию. Я хочу поблагодарить всех и только пожелать, чтобы все не завершилось тем, что «Васька слушает да ест». Так что пусть бабушка живет, а Васька все-таки крепко подумает над тем, что слышит. Большое всем спасибо!

Хроника заседаний Никитского клуба

(Звездочкой отмечены опубликованные выпуски Никитского клуба)

2000 г.

- *18.04. «Восприятие современной России за рубежом».
- *27.06. «Глобальные проблемы демографического перехода и Россия».
- 11.07. «Всемирный день народонаселения и демографические проблемы России».
(совместно с Департаментом правительственной информации).
- 17.10. «Социально-экономическая политика и преодоление бедности в России».
(совместно с Департаментом правительственной информации).
- 16.11. «Реальность и перспективы инновационной экономики в России».

2001 г.

- *20.02. «Эволюция российской государственности за 10 лет».
- *01.03. «Конституционная экономика и статус Центрального банка».
- *26.04. «Судебная реформа в России: пределы и возможности».
- 29.05. Встреча с членами Римского клуба.
- 07.08. Концепция диалога цивилизаций ООН
(встреча в Никитском клубе с Личным представителем Генерального Секретаря ООН г. Д. Пикко).
- *08.10. «Воспитание, образование, обучение в гражданском обществе».
- *19.11. «Гражданское общество и государство (механизм взаимодействия)».
- *24.12. «Зарубежье глазами россиян».
(Обсуждение книги Фонда «Общественное мнение»: «Америка: взгляд из России. до и после 11 сентября»).

2002 г.

- *14.02. «Макиавелли — России XXI века».
- *09.04. «Ресурсы для экономического роста: от клише к парадоксам»
(по итогам Международной конференции по финансированию развития. Монтеррей (Мексика), 18–22 марта).
- * 27.05. «Политика и технология зарубежной технической помощи России».
- * 18.06. «Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее».
Заседание с участием российских организаторов встречи G8 в Кананаскисе.

- *30.09. «Цивилизационная специфика России: каким аршином мерить?»
- 15.10. «Опыт валютной интеграции (на примере ЕС) и единое валютно-финансовое пространство СНГ»
С участием директора главной дирекции по экономике и финансам Европейской комиссии Сотериоса Коллиаса.

2003 г.

- 14.02. Празднование 75-летия С. П. Капицы, президента Никитского клуба
Совместно с Президиумом РАН.
- 27.02. «Границы настоящего: «ещё» или «уже»?»
Круглый стол, посвященный 75-летию (по старому стилю) С. П. Капицы.
- *05.04. «Современная миграционная ситуация в мире и России»
Выездное заседание Никитского клуба в г. Санкт-Петербурге.
- 09.06. «Трансформация международной валютной системы: тенденции и сдвиги».
- 18.06. «ООН и меняющийся мир»
Совместное заседание — круглый стол с Информцентром ООН с участием заместителя Генерального секретаря ООН Шаши Тарура.
- *30.09. «Экономика знаний: контекст российских проблем»
Обсуждение доклада академика В. Л. Макарова, директора Центрального экономико-математического института РАН.
- *1.10. «Власть — для развития страны».
- *21.11. «Международные валютно-финансовые интересы — в чем они?»

2004 г.

- *28.01. «Какой парламент нужен России?»
- *31.03. «Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы».
- 19–21. 05. Выездное заседание Никитского клуба в г. Уфе.
Участие в научно-практической конференции «Глобализация и национальные интересы России» (ВЗГУ).
- *21. 06. «Повестка дня — 2010»: демонтаж или модернизация социального государства?»
- *22.09. «Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России».
- *15.12. «Стратегия развития фондового рынка России».

2005 г.

- *16.02. «Человеческий капитал России: эволюция, структурные особенности, будущие вызовы». Часть I.
- *29–30. 03. «Человеческий капитал России: эволюция, структурные особенности, будущие вызовы». Часть II .
Выездное расширенное заседание НК в Твери с участием Администрации Тверской области.
- *11.05. «Самоидентификация россиян: по крови, по паспорту, по вере, по расчету, по времени... (нужное подчеркнуть, упущенное добавить)».
- *27.05. «Самоидентификация российской элиты».
- *27.09. «Стратегия энергетики XXI века».
- 20.10. «Процессуальная справедливость». Совместное заседание с Институтом права и публичной политики.
- *20.12. «Мир вокруг нас: авангард и традиции в единстве и противоречии» по случаю 120-летия поэта-философа русского авангарда Велимира Хлебникова.

2006 г.

- 28.02. «Социальная реальность: творцы и наблюдатели»
Совместное заседание Никитского клуба и Фонда «Общественное мнение».
- *19.04. «Глобализация угроз: сколько цен у безопасности?»
Обсуждение проекта Института национального проектирования «Общественный договор».
- *30.05. «Развивающиеся компании и фондовый рынок»
Совместное заседание Никитского клуба и ММВБ. Презентация проекта «Сектор инновационных и растущих компаний ФБ ММВБ».
- *12.10. «Демографический императив и человеческий фактор»
Совместное заседание — круглый стол Никитского клуба и Комитета «Экология и здравоохранение» Европейского делового конгресса
- 1–4. 11. «Университет XXI в.: взгляд с востока и запада Европы».
Выездное заседание Никитского клуба в г. Брюсселе. Совместный круглый стол с Лувенским католическим университетом при содействии Посольства России в Бельгии.
- 29. 11. «Университет XXI века: взгляд с востока и запада Европы».
- *28.12. «Наш суровый друг М. Е. Салтыков-Щедрин».

2007 г.

- *22.03. «Интеллектуальная собственность в XXI веке: «король умер?»
- *18.05. «Реформы по-русски: исторический контекст современного опыта».
- *21.09. «Россия на энергетических рынках Восточной Азии»
Презентация и обсуждение книги МГИМО «Энергетические измерения международных отношений и безопасность в Восточной Азии»
- 18.10. «Частная собственность: случай России»
Вступительный доклад — В. Б. Пастухов, юрист, политолог, научный руководитель Института права и публичной политики.
- *20.12. «С другого берега».
Совместное заседание с Российским академическим молодежным театром, посвященное А. И. Герцену.

2008 г.

- *14.02. С.П. Капица «Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество».
- *10.04. «Еще раз о стратегии России: „что“ и „как“?»
- *02.06. «Что говорит и показывает Москва.
Рейтинг как механизм конструирования реальности».

Президент **С. П. Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Н. М. Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 204-48-40

эл. почта: nikitskyclub@micex.ru

<http://www.nikitskyclub.ru>

Сайт разработан и поддерживается ООО «Интернет Фабрика»
<http://www.ifabrika.ru>